

ГИЛЬДИЯ ЛИНГВИСТОВ-ЭКСПЕРТОВ ПО ДОКУМЕНТАЦИОННЫМ И ИНФОРМАЦИОННЫМ СПОРАМ

Рег. №14127 Главного управления Министерства юстиции РФ по г. Москве от 15.02.2001 г.
129164 МОСКВА а/я 110. Тел.: +7 (903) 769 7179, +7 (925) 002 00 22. E-mail: e-expert@yandex.ru ИНН 7717118908. Internet: www.rusexpert.ru

РЕЦЕНЗИЯ

на заключение комиссии экспертов
В. В. Котельникова, А. Е. Тарасова и
Н. Н. Крюковой № 228/15 от 22 июля 2015 г.

г. Москва
г.

«30» октября 2015

Сведения об экспертном учреждении: Общественное объединение «Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС)». Свидетельство о регистрации общественного объединения № 14127 от 15 февраля 2001 г., выдано Главным управлением Министерства юстиции Российской Федерации по г. Москве.

Рецензирование осуществлено на основании договора № 41-10/15 от 09 октября 2015 г. о проведении научно-методического рецензирования заключения комиссии экспертов В. С. Котельникова, А. Е. Тарасова и Н. Н. Крюковой № 228/15 от 22 июля 2015 г., заключенного между адвокатом В. Л. Шипиловым, членом Международной коллегии адвокатов «Санкт-Петербург», и Региональной общественной организацией «Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам».

ГИЛЬДИЯ ЛИНГВИСТОВ-ЭКСПЕРТОВ
ПО ДОКУМЕНТАЦИОННЫМ И ИНФОРМАЦИОННЫМ СПОРАМ
Рег. №14127 Главного управления Министерства юстиции РФ
по г. Москве от 15.02.2001 г.

Рецензирование выполнено комиссией специалистов-лингвистов в следующем составе:

ГОРБАНЕВСКИЙ МИХАИЛ ВИКТОРОВИЧ — действительный член Гильдии, член Правления ГЛЭДИС, Председатель правления ГЛЭДИС, доктор филологических наук, академик РАЕН (специальность: «10.02.01 – Русский язык»); диплом доктора филологических наук № ДК 001004 от 20.01.1995 г., стаж работы по специальности — 40 лет, экспертная специализация – судебная лингвистическая экспертиза (свидетельство эксперта № 051-09/13-сэ от 20.09.2013 г., выдано решением экспертно-квалификационной комиссии Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам от 20 сентября 2013 г., протокол № 68);

ЖАРКОВ ИГОРЬ ВЕНИАМИНОВИЧ — действительный член Гильдии, член Правления ГЛЭДИС, начальник научно-методического отдела РОО ГЛЭДИС, кандидат филологических наук (специальность: «10.02.21 — Структурная, прикладная и математическая лингвистика», диплом КТ №017433 от 27.10.1995 г.), стаж научной деятельности и работы по специальности — 28 лет, экспертная специализация — судебная лингвистическая экспертиза (свидетельство эксперта № 063-01/14-сэ от 27.01.2014 г., выдано решением экспертно-квалификационной комиссии Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам от 27 января 2014 г., протокол № 55);

МАМОНТОВ АЛЕКСАНДР СТЕПАНОВИЧ — действительный член Гильдии, член Правления ГЛЭДИС, Ученый секретарь ГЛЭДИС, доктор филологических наук, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации Государственного института русского языка им А.С. Пушкина, академик РАЕН (специальность: «10.02.01 — Русский язык»), диплом доктора филологических наук № ДК 007310 от 23.03.2001 г., стаж работы по специальности – 40 лет, экспертная специализация — судебная лингвистическая экспертиза (свидетельство эксперта № 065-01/14-сэ от 28.01.2014 г., выдано решением экспертно-квалификационной комиссии Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам от 28 января 2014 г., протокол № 56);

ТРОФИМОВА ГАЛИНА НИКОЛАЕВНА — действительный член Гильдии, члена Правления ГЛЭДИС, Заместитель Председателя Правления ГЛЭДИС, доктор филологических наук (специальность: «10.02.01 — Русский язык», диплом доктора филологических наук № ДК 024624 от 18.02.2005 г.), профессор кафедры массовых коммуникаций филологического факультета Российского университета дружбы народов, стаж работы по специальности — 19 лет, экспертная специализация — судебная лингвистическая экспертиза (свидетельство эксперта № 067-01/14-сэ от 29.01.2014 г., выдано решением экспертно-квалификационной комиссии Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам от 29 января 2014 г., протокол №57).

Цитируемые методические источники:

1. Ю. А. Бельчиков, М. В. Горбаневский, И. В. Жарков. Методические рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ. Сборник материалов. — М.: ИПК «Информкнига», 2010. (Издание подготовлено по заказу Роскомнадзора).
2. Как провести лингвистическую экспертизу спорного текста? Памятка для судей, юристов СМИ, адвокатов, прокуроров, следователей, дознавателей и экспертов / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. — 2е изд., испр. и доп. — М.: Юридический Мир, 2006.
3. С. А. Кузнецов, С. М. Оленников. Экспертные исследования по делам о признании информационных материалов экстремистскими: теоретические основания и методическое руководство (научно-практическое издание). — 2-е изд., испр. и доп.. — М.: Издательский дом В. Ема, 2014.
4. О. Е. Фролова, Е. В. Щенникова. Обиходное и правовое понимание экстремизма. // Судья, № 5, 2014 г., с. 26–29.
5. Смирнова С.А. Судебная экспертиза на рубеже XXI века. 2-е издание. — СПб.: ПИТЕР, 2004.
6. Н. Д. Голев. Юридизация естественного языка как юрислингвистическая проблема // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и

юридическом бытии : Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. Н. Д. Голева. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002.

7. К. И. Бринев. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. — Барнаул: АлтГПА, 2009.

Иная научная и методическая литература:

1. Россинская Е.Р. Комментарий к Федеральному закону «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». — М.: Право и закон; Юрайт-Издат, 2002.
2. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. — М.: Норма, 2005.
3. Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза. Курс общей теории. — М.: Норма, 2006.
4. Галяшина Е.И. Основы судебного речеведения. М.: Стэнси, 2003.
5. Судебно-экспертное исследование вещественных доказательств. — М.: Амалфея, 2003.
6. Комментарий к Федеральному закону «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». / Под ред. В.П. Кашепова. — М., 2003.
7. Комментарий к законодательству о судебной экспертизе. Уголовное, гражданское, арбитражное судопроизводство. — М.: Норма, 2004.
8. Теория и практика судебной экспертизы в гражданском и арбитражном процессе. Научно-практическое пособие. / Под ред. д.ю.н, проф. Россинской Е.Р. — Москва, 2006.
9. Спорные тексты СМИ и судебные иски: Публикации. Документы. Экспертизы. Комментарии лингвистов. / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. — М.: Престиж, 2005 г.;
10. Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы. / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. — М.: Медея, 2004;
11. Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах: Сборник материалов научно-

- практического семинара. Москва 7-8 декабря 2002 г. /Под ред. проф. М.В. Горбаневского. В двух частях. – М.: Галерея, 2002-2003;
12. Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации. //Под ред. проф. М.В. Горбаневского – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Галерея, 2002.
13. Язык вражды против общества: Сб. ст. /М.В. Кроз и др. - М., 2007.
14. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: Учеб. пособие. - М.: Флинта: Наука, 2007.
15. С. В. Борисов, А. В. Жеребченко. Квалификация преступлений экстремистской направленности / отв. ред. — засл. деят. науки РФ, д. ю. н., проф. Н. И. Ветров. — М.: Волтерс Клувер, 2011.
16. Е. Р. Россинская, Е. И. Галяшина. Настольная книга судьи: судебная экспертиза. — М.: Проспект, 2010.

Для производства рецензирования предоставлены следующие **объекты и материалы гражданского дела:**

1. Копия заключения комиссии экспертов В. В. Котельникова, А. Е. Тарасова и Н. Н. Крюковой № 228/15 от 22 июля 2015 г.
2. Копия определения о назначении комплексной лингвистической религиоведческой экспертизы, вынесенного 07 мая 2015 г. судьей Курганского городского суда Курганской области П. Г. Булатовым по гражданскому делу № 2-52/15.
3. Выдержка из протокола судебного заседания по гражданскому делу № 2-52/15, содержащая фиксацию показаний эксперта Н. Н. Крюковой, данных ею в судебном заседании (т. 5, л.д. 155–161).

По мнению комиссии специалистов-лингвистов ГЛЭДИС, для оценки представленного на рецензирование документа как доказательства по гражданскому делу могут иметь значение следующие обстоятельства.

Исходя из формы и содержания представленного на рецензирование документа, он представляет собой заключение комиссии экспертов разных специальностей, составленное на основании определения суда, вынесенного в

рамках рассмотрения гражданского дела, и отражает результаты исследований, относящихся к особому виду деятельности, регламентируемому процессуальным законодательством и специальными законодательными актами, — судебно-экспертной деятельности.

В информационно-правовых базах российского законодательства насчитываются сегодня сотни нормативных актов различного уровня, регламентирующих судебно-экспертную деятельность. Системным документом, определяющим правовой статус судебно-экспертной деятельности и заключений экспертов, является федеральный закон №73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31 мая 2001 года.

Указанный системный акт определяет правовую основу, принципы организации и основные направления судебно-экспертной деятельности (СЭД) как самостоятельного вида социально-полезной деятельности в гражданском, административном и уголовном судопроизводстве. В этом же законе закреплены принципы и правовые основы СЭД, исторически сложившиеся на основе многолетней правоприменительной практики.

Согласно ст. 1 указанного закона, с учетом положения ст. 41, распространяющей действие ряда основных положений закона на судебно-экспертную деятельность лиц, не являющихся государственными судебными экспертами, судебно-экспертная деятельность состоит в организации и производстве судебной экспертизы государственными судебно-экспертными учреждениями, государственными и негосударственными судебными экспертами. Исходя из положений ст. 2 указанного закона, **задачей** судебно-экспертной деятельности является оказание содействия правоохранительным органам («судам, судьям, органам дознания, лицам, производящим дознание, следователям») в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу. Содействие оказывается посредством разрешения вопросов, требующих специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла.

В ст. 9 даны определения основных понятий, используемых в законе. В частности, под **судопроизводством** понимается «регулируемая процессуальным законодательством Российской Федерации деятельность суда или судьи в ходе судебного разбирательства гражданских, административных и уголовных дел, а также деятельность органа дознания, лица, производящего дознание, следователя или прокурора при возбуждении уголовного дела, проведении дознания и предварительного следствия».

Судебную экспертизу закон определяет как процессуальное действие, состоящее из проведения исследований и дачи заключения экспертом по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний и которые поставлены перед экспертом уполномоченным лицом (судом, судьей, органом дознания и т. д.) в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу.

Заключение эксперта — «письменный документ, отражающий ход и результаты исследований, проведенных экспертом».

Статья 3 закона определяет **правовую основу** государственной судебно-экспертной деятельности, в которую помимо Конституции Российской Федерации, данного закона и других федеральных законов, а также нормативно-правовых

актов федеральных органов исполнительной власти, регулирующих организацию и производство судебной экспертизы, включено процессуальное законодательство, в том числе Уголовно-процессуальный кодекс РФ, Гражданский процессуальный кодекс РФ и др.

В статьях 4–8 закона зафиксированы основные принципы государственной судебно-экспертной деятельности, которые, согласно ст. 41, распространяются и на судебно-экспертную деятельность негосударственных судебных экспертов. Эти принципы могут быть содержательно разнесены на две группы.

Первую группу составляют **процессуально-правовые (общеюридические) принципы** деятельности:

- принцип законности (ст. 5);
- принцип соблюдения прав и свобод человека и гражданина, прав юридического лица (ст. 6).

Вторую группу составляют **профессиональные (специальные) принципы** судебно-экспертной деятельности, являющиеся межотраслевыми и не зависящими от конкретного вида процесса (уголовный, гражданский, административный и т. д.), в котором участвует эксперт:

- принцип независимости эксперта, в соответствии с которым при производстве судебной экспертизы эксперт независим, он не может находиться в какой-либо зависимости от органа или лица, назначивших судебную экспертизу, сторон и других лиц, заинтересованных в исходе дела. Не допускается воздействие на эксперта со стороны судов, судей, органов дознания, лиц, производящих дознание, следователей и прокуроров, а также иных государственных органов, организаций, объединений и отдельных лиц в целях получения заключения в пользу кого-либо из участников процесса или в интересах других лиц. Лица, виновные в оказании воздействия на эксперта, подлежат ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации (ст. 7);
- принцип наличия у эксперта определенной и ограниченной процессуальной компетенции. «Эксперт дает заключение, основываясь на результатах проведенных исследований в соответствии со своими специальными знаниями» (ст. 7). «Эксперт проводит исследования... в пределах соответствующей специальности...» (ст. 8);
- принцип объективности исследования. «Эксперт проводит исследования объективно, на строго научной и практической основе...» (ст. 8). Объективность исследования является одним из общих принципов научного познания. Ведущим критерием объективности является получение тех же или близких результатов при воспроизведении исследования другим лицом или учреждением;
- принцип проверяемости выводов эксперта, тесно связанный с принципом объективности исследования. «Заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность

- проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных» (ст. 8);
- принцип полноты экспертного исследования («Эксперт проводит исследования... в полном объеме» — ст. 8), который означает, что при даче заключения эксперт должен, как минимум, сформулировать выводы по всем поставленным перед ним вопросам, а также по возможности стремиться проявить экспертную инициативу, т. е. указать на обнаруженные им в ходе исследования обстоятельства, которые могут иметь значение для дела, по поводу которых вопросы не были поставлены;
 - принцип всесторонности исследования («Эксперт проводит исследования... всесторонне» — ст. 8), которая трактуется как учет при производстве экспертизы всех факторов (признаков представленного объекта), свидетельствующих как в пользу положительного вывода по поставленному вопросу, так и в пользу отрицательного вывода либо вывода о невозможности разрешения вопроса.

Из текста закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» следует, что судебного эксперта можно определить как «аттестованного работника государственного судебно-экспертного учреждения, производящего судебную экспертизу в порядке исполнения своих должностных обязанностей» (государственный судебный эксперт, ст. 12) либо лицо, обладающее специальными знаниями в области науки, техники, искусства или ремесла, выполняющее судебную экспертизу, но не являющееся государственным судебным экспертом (ст. 41; в данной рецензии для обозначения таких лиц используется термин *негосударственный эксперт*, применяемый также законодателем — ср. формулировку из ст. 16: «...осуществлять судебно-экспертную деятельность в качестве негосударственного эксперта...»).

Правовой статус **эксперта** определяется прежде всего кругом его прав и обязанностей. Согласно ст. 16 указанного закона, эксперт **обязан**:

- принять к производству порученную ему судебную экспертизу;
- провести полное исследование представленных ему объектов и материалов дела, дать обоснованное и объективное заключение по поставленным перед ним вопросам;
- если поставленные вопросы выходят за пределы специальных знаний эксперта, объекты исследований и материалы дела непригодны или недостаточны для проведения исследований и дачи заключения и эксперту отказано в их дополнении либо современный уровень развития науки не позволяет ответить на поставленные вопросы, — составить мотивированное письменное сообщение о невозможности дать заключение и направить данное сообщение в орган или лицу, которые назначили судебную экспертизу;
- не разглашать сведения, которые стали ему известны в связи с производством судебной экспертизы, в том числе сведения, которые могут ограничить конституционные права граждан, а также сведения,

составляющие государственную, коммерческую или иную охраняемую законом тайну;

- обеспечить сохранность представленных объектов исследований и материалов дела.

Эксперт также исполняет обязанности, предусмотренные соответствующим процессуальным законодательством.

Эксперт не вправе:

- вступать в личные контакты с участниками процесса, если это ставит под сомнение его незаинтересованность в исходе дела;
- самостоятельно собирать материалы для производства судебной экспертизы;
- сообщать кому-либо о результатах судебной экспертизы, за исключением органа или лица, ее назначивших;
- уничтожать объекты исследований либо существенно изменять их свойства без разрешения органа или лица, назначивших судебную экспертизу.

Установленные той же статьей запреты:

- принимать поручения о производстве судебной экспертизы непосредственно от каких-либо органов или лиц, за исключением руководителя государственного судебно-экспертного учреждения;
- осуществлять судебно-экспертную деятельность в качестве негосударственного эксперта —

относятся только к государственным судебным экспертам.

Права эксперта определены в статье 17 указанного закона. Эксперт вправе:

- ходатайствовать перед руководителем судебно-экспертного учреждения о привлечении к производству судебной экспертизы других экспертов, если это необходимо для проведения исследований и дачи заключения;
- делать подлежащие занесению в протокол следственного действия или судебного заседания заявления по поводу неправильного истолкования участниками процесса его заключения или показаний;
- обжаловать в установленном законом порядке действия органа или лица, назначивших судебную экспертизу, если они нарушают права эксперта.

Эксперт также имеет права, предусмотренные соответствующим процессуальным законодательством.

Особенности производства **комплексной судебной экспертизы** регламентируются ст. 23 указанного закона. В частности:

«В заключении экспертов, участвующих в производстве комплексной экспертизы, указывается, какие исследования и в каком объеме провел каждый эксперт, какие факты он установил и к каким выводам пришел. Каждый эксперт, участвующий в производстве комплексной экспертизы, подписывает ту часть

заключения, которая содержит описание проведенных им исследований, и несет за нее ответственность.

Общий вывод делают эксперты, компетентные в оценке полученных результатов и формулировании данного вывода. Если основанием общего вывода являются факты, установленные одним или несколькими экспертами, это должно быть указано в заключении».

Согласно ст. 25 указанного закона, на основании проведенных исследований с учетом их результатов эксперт от своего имени или комиссия экспертов дают **письменное заключение** и подписывают его.

В заключении эксперта или комиссии экспертов должны быть отражены:

- время и место производства судебной экспертизы;
- основания производства судебной экспертизы;
- сведения об органе или о лице, назначивших судебную экспертизу;
- сведения о судебно-экспертном учреждении, об эксперте (фамилия, имя, отчество, образование, специальность, стаж работы, ученая степень и ученое звание, занимаемая должность), которым поручено производство судебной экспертизы;
- предупреждение эксперта в соответствии с законодательством Российской Федерации об ответственности за дачу заведомо ложного заключения;
- вопросы, поставленные перед экспертом или комиссией экспертов;
- объекты исследований и материалы дела, представленные эксперту для производства судебной экспертизы;
- сведения об участниках процесса, присутствовавших при производстве судебной экспертизы;
- содержание и результаты исследований с указанием примененных методов;
- оценка результатов исследований, обоснование и формулировка выводов по поставленным вопросам.

Материалы, иллюстрирующие заключение эксперта или комиссии экспертов, прилагаются к заключению и служат его составной частью.

Закон «О государственной судебно-экспертной деятельности» включает в себя те положения, которые являются общими для разных видов судебного процесса. В то же время в **процессуальных кодексах** есть особые нормы, относящиеся к судебно-экспертной деятельности и являющиеся специфическими для каждого вида процесса. При наличии общих черт конкретные процессуальные нормы, регулирующие производство экспертизы, по уголовным, гражданским, административным, арбитражным и иным категориям дел имеют свои особенности.

Представленный на рецензирование документ — заключение комиссии экспертов В. В. Котельникова, А. Е. Тарасова и Н. Н. Крюковой № 228/15 от 22 июля 2015 г. (в дальнейшем также **рецензируемое заключение, спорное заключение**), относится к жанру экспертных заключений, представляющему

контаминированный тип речи, поскольку этот жанр находится на стыке научного и официально-делового стилей современного русского языка. Заключение эксперта императивно регламентируется требованиями процессуального законодательства, а также закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», оказывающими непосредственное влияние на форму и содержание заключения.

Традиционно любое заключение эксперта структурно разделяется на вводную часть, исследовательскую часть и раздел выводов.

Структура рецензируемого заключения, исходя из его формы, включая использованные составителями средства графического и текстового оформления заголовков и подзаголовков, и содержания может быть описана следующим образом.

В начальной части заключения расположены **шапка**, содержащая сведения о месте и дате составления заключения (Москва, 22 июля 2015 г.), и **заголовок** («ЗАКЛЮЧЕНИЕ КОМИССИИ ЭКСПЕРТОВ № 228/15»), декларирующий процессуальный статус рецензируемого заключения как документа, относящегося к определенному виду доказательств по судебному (в данном случае гражданскому) делу.

Непосредственно за заголовком следует указание **времени производства экспертного исследования**, по результатам которого составлено рецензируемое заключение.

Непосредственно после указания времени производства экспертного исследования в текст рецензируемого заключения включена **подписка экспертов**.

Непосредственно после подписки экспертов размещены раздел, озаглавленный «**Сведения об экспертах**», **сведения об основании** производства экспертизы, по результатам которой составлено рецензируемое заключение, **сведения о времени (повторно) и месте** производства экспертизы.

Непосредственно после повторного указания сведений о времени и указания сведений о месте производства экспертизы составители рецензируемого заключения приводят **список** поставленных перед ними судом **вопросов**.

Непосредственно за списком вопросов расположены **сведения о материалах**, представленных на экспертизу.

Дальнейший текст рецензируемого заключения полностью либо частично структурируется заголовками его частей и разделов. Присутствуют следующие заголовки:

- «Методологические основания анализа» (используется полужирный шрифт, выравнивание абзаца по центру);
- «Характеристики экстремистской деятельности» (используется полужирный шрифт, выравнивание абзаца по левому краю с нулевым абзацным отступом), содержащий определения экстремистской деятельности, экстремистской организации и экстремистских материалов, цитируемые по тексту федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», и не содержащий какой-либо иной информации;

- «I. Понятие агрессивного текста» (используется полужирный шрифт, выравнивание абзаца по левому краю с нулевым абзацным отступом);
- «III. Терминологический словарь» (используется полужирный шрифт, выравнивание абзаца по левому краю с нулевым абзацным отступом);
- «IV. Справка об основах вероучения Свидетелей Иеговы» (используется полужирный шрифт, выравнивание абзаца по левому краю с нулевым абзацным отступом);
- «V. Отношение к переливанию крови» (используется полужирный шрифт; данный заголовок не выделен в отдельный абзац, является одновременно элементом основного текста рецензируемого заключения);
- «VI. Религиозный экстремизм» (используется полужирный шрифт; данный заголовок не выделен в отдельный абзац, является одновременно элементом основного текста рецензируемого заключения);
- «Исследование.» (используется полужирный шрифт, выравнивание абзаца по левому краю с нулевым абзацным отступом);
- «1)» (шрифтовое и иное графическое выделение отсутствует, для обозначения структурной функции заголовка используется нумерация);
- «2)» (шрифтовое и иное графическое выделение отсутствует, для обозначения структурной функции заголовка используется нумерация);
- «3)» (шрифтовое и иное графическое выделение отсутствует, для обозначения структурной функции заголовка используется нумерация);
- «Психологическое воздействие рассматриваемого выше текста» (используется курсив; данный заголовок не выделен в отдельный абзац, является одновременно элементом основного текста рецензируемого заключения);
- «Тип текста» (используется курсив; данный заголовок не выделен в отдельный абзац);
- «Описание материалов» (используется полужирный шрифт, выравнивание абзаца по левому краю; абзацный отступ не отличается от применяемого при оформлении основного текста);
- «1) «Пусть на вас влияет дух Бога, а не дух мира» на 32 стр.» (шрифтовое и иное графическое выделение отсутствует, для обозначения структурной функции заголовка используется нумерация);
- «2) Книга «Сохраняйте себя в божьей любви», издательство Watch tower Bible and Tract Society of Pennsylvania, © 2008, 226 с.» (шрифтовое и иное графическое выделение отсутствует, для

обозначения структурной функции заголовка (используется нумерация);

- «Результаты проведенного контент-анализа» (используется полужирный шрифт, выравнивание абзаца по левому краю; абзацный отступ не отличается от применяемого при оформлении основного текста);
- «1. Ответ на вопрос «Содержатся ли в представленных на исследование текстах печатных изданий высказывания, обосновывающие и (или) утверждающие необходимость геноцида, массовых репрессий, депортаций, совершения иных противоправных действий, в том числе применения насилия, в отношении представителей какой-либо нации, расы, приверженцев той или иной религии и других групп лиц?» (выравнивание по левому краю, нулевой абзацный отступ; для обозначения структурной функции заголовка используется также нумерация);
- «2. Ответ на вопрос «Содержатся ли в представленных на исследование текстах печатных изданий высказывания оскорбительного характера по отношению к какой-либо этнической, расовой, социальной или религиозной группе, негативные характеристики человека или группы людей по признаку религиозной, этнической, расовой, социальной принадлежности?» (выравнивание по левому краю, нулевой абзацный отступ; для обозначения структурной функции заголовка используется также нумерация);
- «3. Ответ на вопрос «Содержатся ли в представленных на исследование текстах печатных изданий высказывания, обосновывающие и (или) утверждающие необходимость осуществления агрессивных, насильственных, жестоких действий, направленных против человека в связи с его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежностью?» (выравнивание по левому краю, нулевой абзацный отступ; для обозначения структурной функции заголовка используется также нумерация);
- «4. Ответ на вопрос «Содержатся ли в представленных на исследование текстах печатных изданий информация, направленная на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам расы, пола, национальности, языка, происхождения, отношения к религии?» (выравнивание по левому краю, нулевой абзацный отступ; для обозначения структурной функции заголовка используется также нумерация);
- «5. Ответ на вопрос «Содержатся ли в представленных на исследование текстах печатных изданий высказывания, утверждающие о неполноценности или заведомой порочности любого человека в связи с его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежностью?» (выравнивание по

- левому краю, нулевой абзацный отступ; для обозначения структурной функции заголовка используется также нумерация);
- «6. Ответ на вопрос «Содержатся ли в представленных на исследование текстах печатных изданий высказывания пропагандирующие превосходство, исключительность или неполноценность какой-либо национальной, религиозной или иной группы лиц?» (выравнивание по левому краю, нулевой абзацный отступ; для обозначения структурной функции заголовка используется также нумерация);
 - «7. Ответ на вопрос «Содержатся ли в представленных на исследование текстах печатных изданий высказывания, обвиняющие любого человека в связи с его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежностью в действиях, направленных на причинение ущерба представителям других таких групп, или намерениях совершить такие действия?» (выравнивание по левому краю, нулевой абзацный отступ; для обозначения структурной функции заголовка используется также нумерация);
 - «8. Ответ на вопрос «Содержатся ли в представленных на исследование текстах печатных изданий унижающие достоинство, оскорбительные высказывания, обосновывающие и (или) утверждающие необходимость ограничения или лишения благ, умаления прав и свобод человека в связи с его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежностью либо обосновывающие и (или) утверждающие необходимость предоставления благ или высказывания, создание социальных привилегий человеку в связи с его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежностью?» (выравнивание по левому краю, нулевой абзацный отступ; для обозначения структурной функции заголовка используется также нумерация);
 - «ВЫВОДЫ» (используется полужирный шрифт, капитализация, выравнивание абзаца по центру).

Раздел «Литература» вынесен за пределы заключения, не подписан экспертами.

По мнению комиссии специалистов ГЛЭДИС, представленная структура разделов рецензируемого заключения не отражает структуру проведенного экспертами исследования. Исходя из содержания рецензируемого заключения, его реальная структура может быть представлена следующим образом:

1. Шапка и заголовок.
2. **Вводная часть**, содержащая следующие разделы:
 - 2.1. Время производства экспертизы.
 - 2.2. Подписка экспертов.
 - 2.3. Сведения об экспертах.
 - 2.4. Сведения об основании производства экспертизы.

- 2.5. Время (повторно) и место производства экспертизы.
- 2.6. Вопросы, поставленные перед экспертами.
- 2.7. Сведения о материалах, представленных на экспертизу.
- 2.8. Раздел «Методологические основания анализа»
 - 2.8.1. Нормативно-правовая база исследования, а именно: раздел «Характеристики экстремистской деятельности»;
 - 2.8.2. Описание понятия «агрессивный текст» (раздел «I. Понятие агрессивного текста»).
 - 2.8.3. Раздел «III. Терминологический словарь».
 - 2.8.4. Справочные сведения о вероучении Свидетелей Иеговы, относящиеся к области религиоведения (раздел «IV. Справка об основах вероучения Свидетелей Иеговы»), в том числе представленные в следующем разделе:
 - 2.8.4.1. раздел «V. Отношение к переливанию крови»;
 - 2.8.5. Описание понятия «религиозный экстремизм» (раздел «VI. Религиозный экстремизм»).
3. **Исследовательская часть**, включающая в себя следующие разделы:
 - 3.1. Раздел «1)», содержащий сведения об исследованиях, проведенных экспертом-религиоведом;
 - 3.2. Раздел «2)», содержащий сведения об исследованиях, проведенных экспертом, являющимся специалистом по психолингвистике;
 - 3.3. Раздел «3)», содержащий сведения об исследованиях, проведенных экспертом, являющимся специалистом по культурологии;
 - 3.4. Раздел «Психологическое воздействие рассматриваемого выше текста», содержащий сведения об исследованиях, проведенных экспертом или экспертами, не указанными в тексте рецензируемого заключения;
 - 3.5. Раздел «Тип текста», содержащий сведения об исследованиях, проведенных экспертом или экспертами, не указанными в тексте рецензируемого заключения.
 - 3.6. Раздел «Описание материалов», содержащий сведения об исследованиях, проведенных экспертом или экспертами, не указанными в тексте рецензируемого заключения, включающий в себя два подраздела:
 - 3.6.1. «1) «Пусть на вас влияет дух Бога, а не дух мира» на 32 стр.»;
 - 3.6.2. «2) Книга «Сохраняйте себя в божьей любви», издательство Watch tower Bible and Tract Society of Pennsylvania, © 2008, 226 с.»;
 - 3.7. Раздел «Результаты проведенного контент-анализа», содержащий сведения об исследованиях методом контент-анализа, проведенных экспертом или экспертами, не указанными в тексте рецензируемого заключения. Данный раздел содержит выводы по всем восьми поставленным перед комиссией экспертов вопросам.
4. Раздел **«ВЫВОДЫ»**, содержащий выводы по поставленным перед экспертами вопросам; не содержащий каких-либо сведений об установленных экспертами обстоятельствах, в отношении которых вопросы не были поставлены.

Имеющаяся в составе рецензируемого заключения **подписка экспертов не может рассматриваться как надлежащая подпись о предупреждении об**

уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения в силу следующих обстоятельств.

Текст подписки, имеющейся в составе представленного документа, не содержит сведений о том, **кто именно разъяснял экспертам права и обязанности** эксперта и **кто предупреждал их об уголовной ответственности** за дачу заведомо ложного заключения. Из содержания определения о назначении комплексной лингвистической религиоведческой экспертизы, вынесенного судьей П. Г. Булатовым, указываемого экспертами в качестве основания проведения экспертизы, по результатам которой составлено рецензируемое заключение, вытекает, что производство экспертизы было поручено судом судебно-экспертному учреждению, а не конкретным экспертам; эксперты, производившие рассматриваемую экспертизу, в определении суда вообще не упоминаются. Соответственно, предупреждение об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения не могло быть произведено судом. Из содержания ч. 2 ст. 80 ГПК РФ вытекает, что в этом случае предупреждение экспертов об ответственности за дачу заведомо ложного заключения осуществляется руководителем судебно-экспертного учреждения.

Из содержания показаний эксперта Н. Н. Крюковой, данных ею в ходе судебного заседания по гражданскому делу № 2-52/15 (т. 5, л.д. 157), вытекает, что Н. Н. Крюкова является руководителем судебно-экспертного учреждения, осуществляла предупреждение об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения экспертов В. С. Котельникова и А. Е. Тарасова.

По мнению комиссии специалистов ГЛЭДИС, совмещение процессуального статуса руководителя судебно-экспертного учреждения (процессуальные и иные права и обязанности руководителя отражены в ст. 14 и 15 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ») и эксперта не является в описанных обстоятельствах возможным. В частности, лицо не может предупредить самое себя об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения.

Неясным также остается, какое отношение к гражданскому процессу могут иметь права и обязанности эксперта, предусмотренные ст. 57 УПК РФ, на которую ссылаются эксперты, и почему в подписке, данной экспертами в рецензируемом заключении, отсутствует ссылка на ст. 85 ГПК РФ, в которой содержатся сведения о правах и обязанностях эксперта в рамках гражданского процесса.

При назначении судебной экспертизы лицо, назначающее ее, сообщает эксперту **сведения об установленных по делу обстоятельствах**, которые могут иметь значение для ответа на поставленные перед экспертом вопросы. При производстве судебно-экспертного исследования эксперт учитывает эти обстоятельства, опирается на них в своих умозаключениях как на заведомо истинные. (В частности, такие сведения излагаются в определении о назначении комплексной лингвистической религиоведческой экспертизы, вынесенного судьей П. Г. Булатовым, указываемом экспертами рецензируемом заключении в качестве основания производства экспертизы.)

Поэтому в целях обеспечения требования объективности (проверяемости результатов, их воспроизводимости) судебно-экспертного исследования, установленного, в частности, ст. 7 и ст. 8 закона «О государственной судебно-

экспертной деятельности в Российской Федерации», в заключении эксперта всегда отражаются те сведения об обстоятельствах дела, которые были сообщены эксперту при назначении экспертизы.

В представленных на рецензирование заключениях такие сведения, равно как ссылки на них, **отсутствуют**. Таким образом, в рецензируемом заключении отсутствует часть исходных данных, которые находились в распоряжении экспертов при производстве экспертизы.

Данное обстоятельство ставит под **сомнение объективность** представленного документа как заключения, отражающего результаты судебно-экспертной деятельности, поскольку объективность исследования является одним из общих принципов научного познания и ведущим критерием объективности является получение тех же или близких результатов при воспроизведении исследования другим лицом или учреждением, а неполнота исходных данных в общем случае препятствует такому воспроизведению.

Согласно п. 23 Постановления Пленума Верховного суда РФ № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» от 29.06.2011 г.:

В необходимых случаях для определения целевой направленности информационных материалов может быть назначено производство **лингвистической** экспертизы. К производству экспертизы **могут привлекаться**, помимо лингвистов, и специалисты соответствующей области знаний (**психологи**, историки, религиоведы, антропологи, философы, политологи и др.). В таком случае назначается производство **комплексной** экспертизы.

Во вводной части (в разделе «Сведения об экспертах») рецензируемого заключения содержатся сведения о том, что В. С. Котельников имеет высшее образование по специальности «религиоведение», А. Е. Тарасов имеет высшее образование по специальности «иностранные языки».

Вид экспертизы, результаты которой отражены в рецензируемом заключении, установлен судом, согласно определению о ее назначении, как «комплексная лингвистическая религиоведческая». Образование экспертов В. С. Котельникова как религиоведа и А. Е. Тарасова как лингвиста соответствует виду проведенной с их участием экспертизы. Специальная квалификация эксперта В. С. Котельникова как религиоведа, А. Е. Тарасова как филолога-германиста (переводчика и преподавателя английского и немецкого языков, являющегося, согласно изложенным в рецензируемом заключении сведениям, специалистом по переводческому анализу) не препятствует производству ими лингвистической религиоведческой экспертизы.

Рецензируемое заключение содержит следующие сведения о специальных знаниях эксперта Н. Н. Крюковой, подтверждаемые информацией о ее образовании и ученых степенях: Н. Н. Крюкова имеет высшее образование по специальности «математика», имеет специальную квалификацию учителя математики, является кандидатом педагогических наук. Рецензируемое заключение содержит также следующие сведения о специальных знаниях эксперта Н. Н. Крюковой, в отношении которых **не** приводится подтверждающей информации о ее образовании и ученых степенях: Н. Н. Крюкова является специалистом по

культурологии. Сведений о наличии у эксперта Н. Н. Крюковой каких-либо экспертных специальностей рецензируемое заключение не содержит.

В показаниях, данных экспертом Н. Н. Крюковой в ходе судебного заседания по гражданскому делу № 2-52/15 (т. 5, л.д. 157), она подтверждает отсутствие у нее специального образования в сфере лингвистики, а также базового филологического, в том числе лингвистического образования.

В то же время в показаниях, данных экспертом Н. Н. Крюковой в ходе судебного заседания по гражданскому делу № 2-52/15 (т. 5, л.д. 157), она, отвечая на вопрос о наличии у нее такого образования, ссылается на наличие у нее «отдельных знаний в этом направлении, поскольку математика имеет в качестве прикладной сферы отдельные разделы лингвистики». Однако сообщенные Н. Н. Крюковой сведения не содержат информации о какой-либо практической деятельности, связанной с применением математических методов в лингвистических исследованиях и прикладных разработках (статистических методов, математических моделей, математического обеспечения автоматизации задач в области обработки языковой и речевой информации и т. п.). В числе упоминаемых в рецензируемом заключении методов лингвистического исследования (контент-анализ, «семантические методы описания и анализа значений слов, применяемые в лингвистической семантике и психолингвистике», «психолингвистический анализ», определение типа текста) отсутствуют математические методы. С учетом изложенного, эксперт Н. Н. Крюкова, исходя из содержания рецензируемого заключения, не может рассматриваться ни как специалист в области лингвистики, ни как специалист в области религиоведения. Данный вывод частично косвенно подтверждается также апелляционным определением судебной коллегии Московского областного суда в составе председательствующего Гусевой Е.В., судей Воронко В.В., Гулиной Е.М. от 24 февраля 2014 г. по делу № 33-1239/14, согласно которому:

...судебной коллегией было установлено, что они не обладают специальными познаниями в области филологии и лингвистики (Крюкова Н.Н. имеет математическое и педагогическое образование, а Батов В.И. - психологическое).

Таким образом, исходя из содержания вводной части рецензируемого заключения и показаний, данных экспертом Н. Н. Крюковой в ходе судебного заседания, а также с учетом изложенных в рецензируемом заключении сведений о примененных в ходе экспертизы методах, можно констатировать, что в экспертизе, результаты которой отражены в рецензируемом заключении, участвовала комиссия экспертов, в состав которой были включены специалист в области религиоведения (В. С. Котельников), специалист в сфере лингвистики (А. Е. Тарасов) и Н. Н. Крюкова, являющаяся специалистом в областях, отличных от религиоведения и лингвистики (математика, педагогика, а также, по данным, не подтверждаемым сведениями об образовании, возможно, культурология).

Ситуация привлечения к производству экспертизы экспертов иных специальностей, не предусмотренных при назначении экспертизы, предусмотрена действующим законодательством. В частности, согласно ст. 17 федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ», в случаях, когда это необходимо для проведения исследований и дачи заключения, эксперт вправе **ходатайствовать** перед руководителем государственного судебно-

экспертного учреждения о привлечении к производству судебной экспертизы других экспертов. Право эксперта ходатайствовать о привлечении к производству судебной экспертизы других экспертов предусмотрено также ч. 3 ст. 85 ГПК РФ.

Ходатайство о привлечении к производству судебной экспертизы экспертов других специальностей разрешает руководитель государственного судебно-экспертного учреждения, поскольку, согласно ст. 14 федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ», именно к компетенции такого руководителя относится поручение производства экспертизы конкретному эксперту или комиссии экспертов данного учреждения.

Однако действие ст. 14 указанного закона, с учетом положений его ст. 41, не распространяется на судебно-экспертную деятельность негосударственных экспертов и, соответственно, на деятельность негосударственных судебно-экспертных учреждений. Таким образом, действующее законодательство не наделяет соответствующими полномочиями руководителя негосударственного судебно-экспертного учреждения, и ходатайство негосударственного судебного эксперта о привлечении к производству экспертизы экспертов других специальностей должно разрешаться органом или лицом, назначившим судебную экспертизу.

С учетом изложенного, **при организации производства комплексной лингвистической религиоведческой экспертизы**, результаты которой отражены в рецензируемом заключении, были **нарушены требования процессуального законодательства** в части **порядка привлечения** к производству экспертизы **эксперта Н. Н. Крюковой**, специальные знания которой **не соответствуют виду экспертизы, назначенной судом**.

Из содержания имеющейся в составе рецензируемого заключения подписки экспертов вытекает, что при производстве экспертизы эксперты руководствовались нормами ст. 57 УПК РФ.

Ч. 2 ст. 57 УПК, которой, исходя из содержания представленного заключения, руководствовались эксперты, составившие рецензируемое заключение, содержит ссылки на статьи, определяющие порядок производства судебной экспертизы, в том числе на ст. 201, ч. 2 которой содержит требование раздельного подписания проводящими комплексную экспертизу экспертами частей заключения, содержащих описание проведенных ими исследований: «Каждый эксперт, участвовавший в производстве комплексной судебной экспертизы, подписывает ту часть заключения, которая содержит описание проведенных им исследований, и несет за нее ответственность». (Полностью аналогичная норма содержится в ст. 23 федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ», однако, с учетом положений ст. 41 указанного закона, действие ст. 23 не распространяется на негосударственных экспертов.)

Формулировка ч. 2 ст. 82 ГПК РФ: «Комплексная экспертиза поручается нескольким экспертам. По результатам проведенных исследований эксперты формулируют общий вывод об обстоятельствах и излагают его в заключении, которое подписывается всеми экспертами. Эксперты, которые не участвовали в формулировании общего вывода или не согласны с ним, подписывают только свою исследовательскую часть заключения» — также предполагает, наряду с

требованием совместного подписания экспертами совместно полученных ими выводов, необходимость раздельного подписания экспертами разделов исследовательской части заключения, соответствующих выполненным каждым из экспертов исследованиям (своей для каждого эксперта исследовательской части заключения).

Весь объем текста каждого из трех рецензируемых заключений подписан экспертами совместно; в заключениях отсутствуют полные сведения о том, какие именно исследования и в каком объеме провел каждый из экспертов, какие факты он установил и к каким выводам пришел, что противоречит как требованиям ГПК РФ, так и процессуальным нормам УПК РФ, которыми, исходя из содержания представленного заключения, руководствуются эксперты, составившие спорное заключение.

С учетом изложенного, можно констатировать, что **оформление** рецензируемого заключения **не соответствует требованиям, предъявляемым действующим процессуальным законодательством** к заключениям, составленным по результатам проведения **комплексных** экспертиз, включая как нормы **гражданского процессуального законодательства**, так и нормы **уголовно-процессуального законодательства**, на которые ссылаются сами эксперты.

Согласно ст. 8 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»:

Заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных.

Рецензируемое заключение сопровождается списком литературы. В указанном списке присутствует единственный лексикографический (словарный) источник лингвистических данных — электронный «СЛОВАРЬ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА», размещенный в глобальной информационно-телекоммуникационной сети Интернет на сайте <http://www.biometrica.tomsk.ru>. Каких-либо сведений о составителях, объеме, выходных данных, предназначении, рекомендованной сфере применения указанного словаря рецензируемое заключение не содержит.

Уровень надежности и достоверности данных, размещаемых в сети Интернет, может быть проиллюстрирован, например, общеизвестными положениями, сформулированными в рубриках «Описание» и «Отказ от ответственности» электронной энциклопедии «Википедия», а именно:

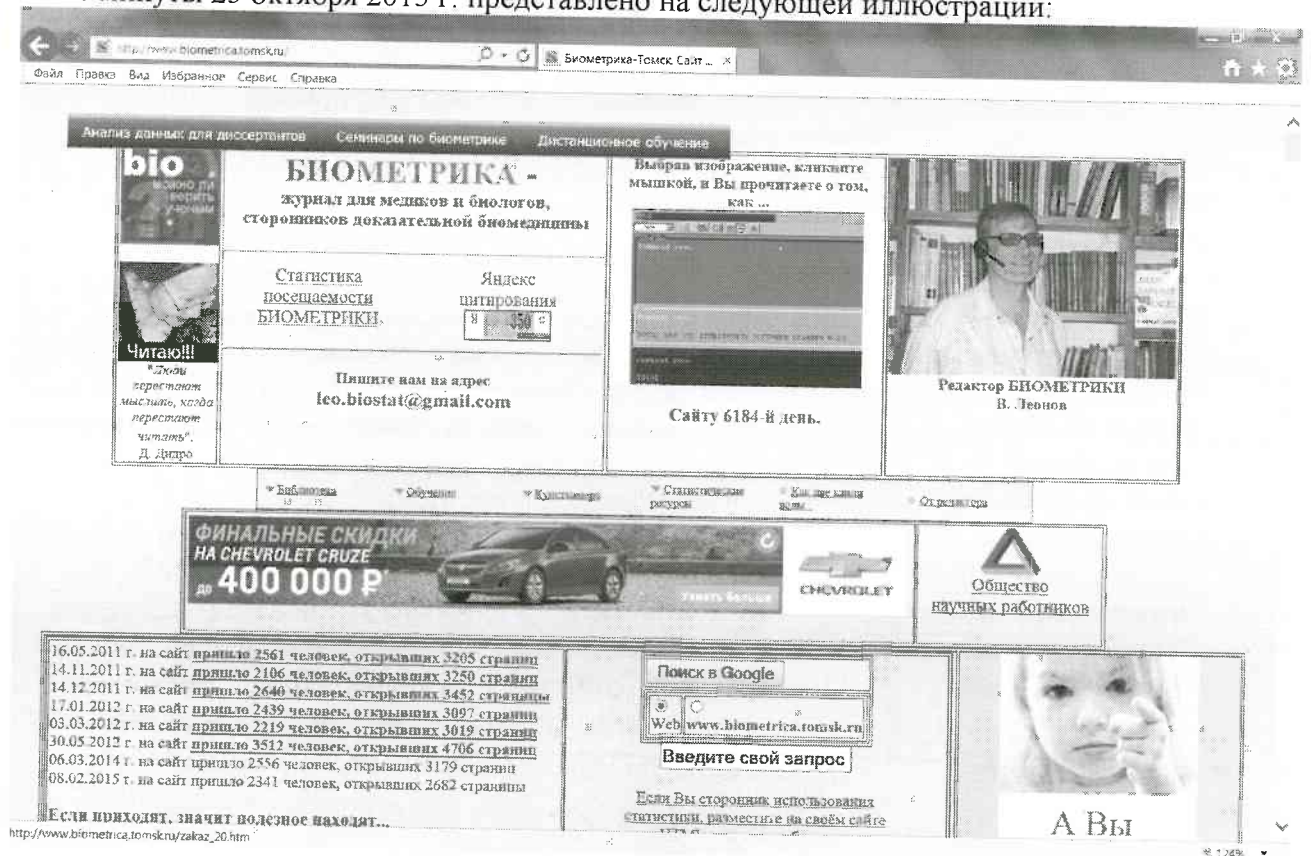
- «Википедия не имеет ни центрального редакционного совета, ни главного редактора.»
- «Википедия не может никаким способом гарантировать правильность приведённых в ней данных.»
- «Её строение позволяет любому, кто имеет доступ к Интернету и браузер, изменять её содержание. Поэтому, пожалуйста, примите во внимание, что приведённые здесь сведения могут быть не проверенными профессионалами, обладающими знаниями в соответствующих областях, необходимыми для предоставления вам

полной, точной или заслуживающей доверия информации о любом понятии в Википедии.»

- «Мы ищем пути проверки и отбора вызывающих наибольшее доверие версий статей, но мы не можем ничего гарантировать. Наше наибольшее достижение — это избранные участниками статьи, но даже они могли быть испорчены или искажены кем-то за несколько мгновений до прочтения вами.»
- «Никто из авторов, участников, спонсоров, администраторов, операторов и лиц, как-либо ещё связанных с Википедией, не несёт ответственность за появление неточной или ложной информации, а также за использование вами данных, содержащихся на этих веб-страницах либо найденных по ссылкам с них.»
- «Если вам нужен совет специалиста (например, в области медицины, права, финансов или управления рисками), пожалуйста, обратитесь к профессионалам, имеющим лицензию и знания в данной области.»

Верхняя часть содержимого главной страницы интернет-сайта, расположенного по адресу <http://www.biometrica.tomsk.ru>, по состоянию на 03 часа 04 минуты 25 октября 2015 г. представлено на следующей иллюстрации:

Осмотр данной интернет-страницы, проведенный комиссией специалистов-лингвистов ГЛЭДИС, показал, что по указанному адресу расположен информационный ресурс, позиционируемый его разработчиком или

разработчиками как «журнал для медиков и биологов, сторонников доказательной биомедицины». Выходные данные сайта указаны в следующей форме: «1998 – 2015 © Василий Леонов». Из содержания информации, размещенной на главной странице сайта, вытекает, что упомянутый В. Леонов, возможно, является специалистом в области медицины или биологии.

Исходя из названия выбранного экспертами словаря («СЛОВАРЬ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА»), данный источник, вероятно, может быть отнесен к числу узкоспециальных терминологических словарей, отражающих понятийную сферу юриспруденции и описывающих подмножество лексики, характерной для научного или официально-делового стиля современного русского языка, что не соответствует стилистическим свойствам исследованных экспертами текстов, относящихся, согласно выводам рецензируемого заключения, к дидактическому типу и содержащих популярное изложение вероучительных и нравоучительных положений концепции Свидетелей Иеговы, что не предполагает терминологической строгости изложения материала и его отнесенности к области юриспруденции.

Изложенное **не** позволяет отнести сведения, содержащиеся в электронном «СЛОВАРЕ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА», на который и только на который ссылаются эксперты, к категории **общепринятых научных и практических данных**.

В исследовательской части рецензируемого заключения полностью отсутствуют ссылки на толковые словари современного русского языка, применявшиеся в ходе лингвистического исследования для установления смыслового содержания представленных на экспертизу текстов. Следует подчеркнуть, что в методических разработках по теории судебной экспертизы, методических рекомендациях по проведению лингвистических экспертиз (см. например, [1, 2, 3]) особо подчеркивается необходимость обращения к разным словарям, поскольку каждый конкретный словарь отражает субъективизм его составителя, а также обладает особенностями, которые определяются теми лингвистическими концепциями, которые составитель исповедует и разделяет: в лингвистике существуют разные школы, в практической лексикографии применяются существенно различные подходы к решению одних и тех же задач. Использование единственного лексикографического источника неизбежно снижает уровень объективности выводов лингвистической экспертизы.

Таким образом, представленный в рецензируемом заключении анализ продуктов речевой деятельности, имеющих в исследованных экспертами текстах, **не основан на общепринятых научных лексикографических данных, что прямо противоречит принципу объективности** судебно-экспертной деятельности и не соответствует требованиям ст. 7 и ст. 8 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

Согласно ст. 25 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» в заключении эксперта или комиссии экспертов должны быть отражены содержание и результаты исследований **с указанием примененных методов**. При описании методики исследования эксперт определяет адекватный стоящим перед ним экспертным задачам понятийный аппарат, которым он

пользуется при изложении в заключении хода и результатов проведенного им исследования.

В лингвистической экспертизе по гражданским делам о признании информационных объектов экстремистскими материалами, в частности, проводится исследование, направленное на установление подлинного содержания спорных фрагментов текста, свойства которых выявляются с помощью специальных лингвистических методик, с использованием особых терминов, в том числе общеязыковых и общенаучных понятий, таких как *информация*, *утверждение*, *мнение*, употребляемых в лингвистической экспертизе в специальных значениях, которые могут быть отличными от общепринятых в языкознании; кроме того, многие термины в традиционной лингвистике, такие как *высказывание*, *предложение*, *слово*, вообще не имеют общепринятых дефиниций и по-разному определяются представителями разных лингвистических школ и направлений. Поэтому важной частью заключения лингвистической (а следовательно, и комплексной лингвистической религиозно-этической экспертизы) является такое **описание** применяемого экспертом-лингвистом **терминологического аппарата**, которое является достаточным для **однозначного понимания текста заключения**.

Так, в большинстве известных методических разработок в области лингвистической экспертизы (например, [1, с. 135–146; 2, с. 45–54]) применяются приведенные ниже или близкие им **определения**, описываемые в заключении эксперта **во взаимосвязи с правовыми понятиями**, имеющими значение для конкретного гражданского, уголовного или иного дела.

Информация (сведения) — совокупность языковых высказываний о мире, событиях и о положении дел, об отношении отправителя информации к этим событиям. Информация может быть, в частности:

- **фактологической** — о конкретных ситуациях, происшествиях или событиях, о поступках или поведении физического лица, о деятельности лица юридического;
- **обобщающей** — о типичных событиях, типичном поведении человека, типичных представителях каких-либо групп, о житейских обычаях и т. п.;
- **этически оценочной** — о качествах и поступках людей, о ситуациях или событиях, которые в какой-либо картине мира, в какой-либо ценностной системе описываются как хорошие или плохие. Оценочный компонент информации носит субъективный характер, отражает точку зрения говорящего, которая может совпадать либо не совпадать с принятыми в обществе взглядами;
- **концептуальной** — теоретико-аналитическая информация о природных или социальных закономерностях;
- **директивной** — организующей поведение людей. Директивная информация может выражаться в различных формах, например, просьбы, требования, информирования об обязанностях. **Адресат** директивной информации — лицо или лица, по отношению к деятельности которых данная информация является организующей.

Информация нейтральная — информация (сведения) о ситуации, событии (о явлении, о лице, поступках лица), которые в стандартной картине мира не описываются в ценностных категориях (к такой информации неприменимы оценки «хорошо» и «плохо»).

Информация положительная (позитивная) — информация (сведения) о ситуации, событии (о явлении, о лице, поступках лица), которые в системе ценностей данного общества или на основании социально и культурологически обусловленных местных стереотипов восприятия и реагирования считаются хорошими, похвальными, благоприятными для данного общества.

Информация отрицательная (негативная) — информация (сведения), которая содержит отрицательные характеристики юридического или физического лица или его деятельности, а также поступков физического лица с точки зрения здравого смысла, морали или с правовой точки зрения (в той мере, в которой об этом может судить любой дееспособный гражданин, не имея специальных познаний в области юриспруденции). Если негативная информация (сведения) не соответствует действительности, то такая распространяемая информация называется **порочащей** в отношении субъекта информации — лица, к которому она относится. Если негативная информация соответствует действительности, то такая информация называется **позорящей** в отношении субъекта информации.

Негативная информация может носить как обобщающий характер (негативная оценка лица, его качеств или деятельности в целом), так и характер фактический (говорящий сообщает сведения о конкретных действиях, поступках лица, которые отрицательно его характеризуют).

Высказывание — речевая единица, передающая относительно законченный фрагмент информации, сведений.

Контекст слова, выражения, высказывания — относительно законченная в смысловом отношении часть текста, достаточная для понимания смысла употребления этого слова, выражения, высказывания в конкретном тексте.

Текст — максимальная речевая единица, несущая целостный смысл. Как правило, в целях адекватного анализа высказывания, даже в тех случаях, когда вопросы задаются только по отдельным фрагментам текста, в лингвистической экспертизе необходимо анализировать текст целиком. Такой анализ позволяет выявить контекст высказываний, без которого понимание их смысла невозможно. Стилистический анализ отдельных высказываний также требует их сопоставления с общими стилистическими свойствами текста. Языковые средства, недопустимые и социально неприемлемые в передовице серьезной газеты, вполне уместны в фельетоне, который может быть опубликован в той же самой газете на другой полосе. Стилистика текста определяется как его жанром, так и авторскими особенностями стиля.

Достоинство — сопровождающееся положительной оценкой лица отражение его качеств в его собственном сознании. Достоинство — это не просто оценка соответствия своей личности и своих поступков социальным или моральным нормам, но прежде всего — ощущение своей ценности как человека вообще (человеческое достоинство), как конкретной личности (личное достоинство), как представителя определенной социальной группы или общности (например, профессиональное достоинство), ценности самой этой общности

(например, национальное достоинство). Достоинство рассматривается Конституцией Российской Федерации как абсолютно неотъемлемая и охраняемая государством ценность. Достоинство — это положительное мнение человека о самом себе как отражение его социальной оценки.

Деловая репутация — приобретаемая положительная или отрицательная общественная оценка деловых качеств лица. Деловая репутация представляет собой набор качеств и оценок, с которыми их носитель ассоциируется в глазах своих контрагентов, клиентов, потребителей, коллег по работе, поклонников (например, для шоу-бизнеса), избирателей (для выборных должностей) и персонифицируется среди других профессионалов в соответствующей области деятельности.

Следует четко разграничивать понятия достоинства и деловой репутации. В частности, юридические лица обладают деловой репутацией, но не обладают достоинством. Сотрудник юридического лица как таковой обладает соответствующей деловой репутацией, что, безусловно, не лишает его личного, профессионального, национального и т. п. достоинства, однако штаты корпорации не могут рассматриваться как некая социальная группа; вступление в трудовые или служебные отношения с определенным юридическим лицом не приводит к возникновению у человека особой разновидности достоинства как у гражданина, занимающего определенную должность в штате конкретного юридического лица.

Факт — истинное событие, действительное происшествие или явление, существовавшее или существующее на самом деле. Важно различать факт и комментарии по поводу факта, то есть суждения о факте.

Мнение (о фактах, событиях, лицах) — суждение, выражающее чью-нибудь точку зрения, отношение к кому-либо, чему-либо. Мнение может выражаться: 1) в форме предположения; 2) в форме утверждения. Мнение в форме предположения распознается по наличию маркеров — определенных слов и конструкций (например: *по моему мнению, мне кажется, я думаю, надо полагать, что* и др.) Мнение в форме утверждения таких маркеров не содержит. Мнение в форме утверждения в некоторых случаях может быть проверено на соответствие действительности.

Выражение своих мнений и убеждений, то есть пользование свободой слова, налагает особые обязанности и сопровождается некоторыми ограничениями, установленными законом. Речь идет о необходимости уважать права и репутацию других лиц, охранять здоровье и нравственность общества, общественный порядок, государственную безопасность.

Утверждение — высказывание (выражение мнения, суждение), в котором утверждается что-либо и в котором отображается связь предмета и его признаков. Утверждение грамматически выражается формой повествовательного предложения — как невосклицательного, так и восклицательного. Утверждения могут быть истинными (соответствуют действительности) или ложными (не соответствуют действительности).

Утверждение о фактах всегда основано на знаниях, которыми обладает говорящий. Утверждения о фактах подлежат **верификации** — проверке на соответствие действительности. Соответствие действительности не следует путать с **истинностью** высказывания. Истинными или ложными могут быть признаны

высказывания, по форме представляющие собой не только утверждения, но и предположения, выводы и т. п. Истинность высказывания *Основная причина сегодняшнего благополучного положения России — высокий уровень мировых цен на энергоносители* может быть подтверждена или опровергнута методами экономической науки, однако такое исследование не является верификацией. Достаточно сказать, что истинностная оценка этого высказывания зависит от критериев, применяемых при оценке истинности таких его компонентов, как *основная причина* или *высокий уровень цен*.

Заведомо ложное утверждение — утверждение, содержащее сведения, в отношении которых говорящему в момент речи доподлинно известно, что они не соответствуют действительности. В общем случае квалификация информации как заведомо ложной предполагает ее верификацию (проверку на соответствие действительности) и выходит за пределы компетенции эксперта или специалиста-лингвиста. Однако в некоторых случаях текст может включать в себя высказывания, из содержания и формы которых вытекает, что говорящему известна информация, исключающая или опровергающая содержание данного утверждения. При обнаружении в ходе исследования описанной ситуации эксперт-лингвист может указать на нее как на признак заведомости сообщаемых говорящим ложных сведений. С другой стороны, эксперт-лингвист, определяя форму выражения тех или иных сведений в конкретном тексте, ограничивает круг высказываний, которые могут содержать заведомо ложные сведения. В частности, высказывания-мнения (предположения, сравнения, сомнения и т. п.) не подлежат проверке на соответствие действительности, что исключает возможность их трактовки как заведомо ложных.

Интерпретация — раскрытие смысла, содержания чего-либо.

Содержание, или **смысл высказывания** — мысль, суждение, или их фрагмент, отраженные в структуре высказывания (предложения, фрагмента текста, текста), а также складывающиеся из значений и порядка слов, составляющих высказывание.

Серьезная задача лингвистов — выявление приличного или неприличного характера формулировок, наличие в них **непристойных, потенциально оскорбительных языковых средств**. Наличие такой лексики во фразе, представляющей собой негативную адресованную оценку собеседника (в случае очного, личного общения) или заочную характеристику персонажа (в журналистском тексте), с высокой степенью вероятности позволяет лингвистам диагностировать такую фразу как реализацию речевого акта оскорбления. Но признание фразы оскорблением является прерогативой суда, а не задачей лингвистов-экспертов.

В рамках других известных методик исследования, в том числе специально разработанных для применения в лингвистической экспертизе по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности, часть терминов может определяться существенно иначе.

Например, в методическом руководстве «Экспертные исследования по делам о признании информационных материалов экстремистскими» С. А. Кузнецова и С. М. Оленникова [3, с. 110–111] предлагается несколько иная

классификация **речевой информации**, отличная от приведенной выше. Авторы указанного руководства вводят следующие виды речевой информации:

- **констатирующая** — содержащая сведения о конкретных ситуациях, о реальных происшествиях или событиях, о поступках или поведении физического лица, о деятельности юридического лица и т. п.;
- **убеждающая** — содержащая аргументы в поддержку какого-либо мнения, суждения о личных качествах людей, оценочные характеристики ситуаций или событий, которые в общественном сознании, в чьей-либо системе ценностей описываются как хорошие/плохие, правильные/неправильные, вредные/полезные и т. п.;
- **директивная** — выражающая речевые действия, направленные на организацию, управление целенаправленным поведением, сознательными действиями людей, побуждение их к действию.

Указывая на общепринятость традиционного понимания термина **высказывание**, приведенного выше, авторы указанного руководства тем не менее явным образом вводят собственное определение, значительно расширяющее указанное понятие: «В настоящей методике под высказыванием (т.е. под композитным высказыванием) понимается метасинтаксическая структура, образуемая совокупностью суждений, характеризующих главный риторический объект или тему». Согласно излагаемой авторами методике, высказывание предполагает обязательную реализацию говорящим трех коммуникативных намерений, которые сводятся к трем различным типам речи: описанию (фактической констатирующей характеристике объектов, наличного явления или ситуации в статике), повествованию (характеристике объектов во временной последовательности и развитии) и рассуждению (логико-понятийному обобщению фактов, установлению имплицативных отношений между событиями и их оценкой, установлению правил и ценностей).

Важным с точки зрения методики экспертного исследования является также корректное определение **правовой базы** экспертизы.

Так, определение экстремистских материалов содержится в ст. 1 Федерального закона № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»:

экстремистские материалы — предназначенные для обнародования документы либо информация на иных носителях, призывающие к осуществлению экстремистской деятельности либо обосновывающие или оправдывающие необходимость осуществления такой деятельности, в том числе труды руководителей национал-социалистической рабочей партии Германии, фашистской партии Италии, публикации, обосновывающие или оправдывающие национальное и (или) расовое превосходство либо оправдывающие практику совершения военных или иных преступлений, направленных на полное или частичное уничтожение какой-либо этнической, социальной, расовой, национальной или религиозной группы.

В приведенном определении используется понятие *экстремистской деятельности*, к которой относятся, согласно определению, данному в той же статье:

- насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации;
- публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность;
- возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;
- пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
- нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
- воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения;
- воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения;
- совершение преступлений по мотивам, указанным в пункте "е" части первой статьи 63 уголовного кодекса российской федерации;
- пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо публичное демонстрирование атрибутики или символики экстремистских организаций;
- публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения;
- публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением;
- организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению;
- финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг.

Согласно п. 4 Постановления Пленума Верховного суда РФ № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности»:

Под **публичными призывами** (статья 280 УК РФ) следует понимать выраженные в любой форме (устной, письменной, с использованием технических средств, информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования, включая сеть

Интернет) обращения к другим лицам с целью побудить их к осуществлению экстремистской деятельности.

Согласно п. 7 указанного Постановления:

Под **действиями, направленными на возбуждение ненависти либо вражды**, следует понимать, в частности, высказывания, обосновывающие и (или) утверждающие необходимость геноцида, массовых репрессий, депортаций, совершения иных противоправных действий, в том числе применения насилия, в отношении представителей какой-либо нации, расы, приверженцев той или иной религии и других групп лиц. Критика политических организаций, идеологических и религиозных объединений, политических, идеологических или религиозных убеждений, национальных или религиозных обычаев сама по себе не должна рассматриваться как действие, направленное на возбуждение ненависти или вражды.

При установлении в содеянном в отношении должностных лиц (профессиональных политиков) действий, направленных на унижение достоинства человека или группы лиц, судам необходимо учитывать положения статей 3 и 4 Декларации о свободе политической дискуссии в средствах массовой информации, принятой Комитетом министров Совета Европы 12 февраля 2004 года, и практику Европейского Суда по правам человека, согласно которым политические деятели, стремящиеся заручиться общественным мнением, тем самым соглашаются стать объектом общественной политической дискуссии и критики в средствах массовой информации; государственные должностные лица могут быть подвергнуты критике в средствах массовой информации в отношении того, как они исполняют свои обязанности, поскольку это необходимо для обеспечения гласного и ответственного исполнения ими своих полномочий. Критика в средствах массовой информации должностных лиц (профессиональных политиков), их действий и убеждений сама по себе не должна рассматриваться во всех случаях как действие, направленное на унижение достоинства человека или группы лиц, поскольку в отношении указанных лиц пределы допустимой критики шире, чем в отношении частных лиц.

Согласно п. 8 указанного Постановления:

Не является преступлением, предусмотренным статьей 282 УК РФ, высказывание суждений и умозаключений, использующих факты межнациональных, межконфессиональных или иных социальных отношений в научных или политических дискуссиях и текстах и не преследующих цели возбудить ненависть либо вражду, а равно унижить достоинство человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе.

Согласно п. 23 указанного Постановления:

При назначении судебных экспертиз по делам о преступлениях экстремистской направленности не допускается постановка перед экспертом не входящих в его компетенцию правовых вопросов, связанных с оценкой деяния, разрешение которых относится к исключительной компетенции суда. В частности, перед экспертами не могут быть поставлены вопросы о том, содержатся ли в тексте призывы к экстремистской деятельности, направлены ли информационные материалы на возбуждение ненависти или вражды.

В целом следует констатировать, что, по мнению целого ряда специалистов в области юриспруденции и лингвистики, иных экспертов, определение экстремизма, или экстремистской деятельности в действующем российском законодательстве носит размытый, недостаточный характер, объединяет в себе разнородные явления, как представляющие особую общественную опасность и подлежащие уголовному преследованию, так и значительно менее тяжкие правонарушения. Это относится, например, к такому важному пункту определения, как «возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни». Под этот пункт подпадают как уголовные преступления, описываемые в ст. 282 УК, так и сходные, но не уголовно наказуемые деяния. В результате известны прецеденты, когда газета может быть закрыта за публикацию, автор которой не привлекался и не будет привлечен к уголовной ответственности (например, именно так была закрыта в 2005 году газета Национал-большевистской партии (НБП) «Генеральная линия»).

Помимо этого, руководствуясь дефинициями понятий «экстремизм» и «экстремистская деятельность», содержащимися в ст. 1 Федерального закона № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», принятом в июле 2002 г., комиссия специалистов-лингвистов ГЛЭДИС считает необходимым обратить внимание суда на тот факт, что в существенное противоречие с ним входит дефиниция понятия «экстремизм», содержащаяся в ст. 1 Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (ратифицированной Федеральным Собранием Российской Федерации и подписанной от имени Российской Федерации президентом В. В. Путиным в январе 2003 г.): «"Экстремизм" – какое-либо деяние, направленное на насильственный (здесь и далее выделено составителями настоящей рецензии) захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Сторон». И хотя п.1.2 данной статьи содержит важную оговорку («Настоящая статья не наносит ущерба какому-либо международному договору или какому-либо национальному законодательству Сторон, которые содержат или могут содержать положение о более широком применении терминов, используемых в настоящей статье»), мы полагаем, что Федеральный закон № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» нуждается в оптимизации Федеральным Собранием РФ, в том числе, в части доработки и уточнения принятых в нем дефиниций.

Особо следует отметить такое понятие, как «возбуждение социальной розни», поскольку социальной рознью можно счесть вообще любое противоречие в обществе, что создает возможность при наличии определенных предпосылок, которые могут носить как объективный, так и, что важно подчеркнуть, субъективный характер, обвинить в экстремистском высказывании любого человека, который публично высказывается о каком-то конфликте или выступает против кого-либо.

Не менее важным является то обстоятельство, что, исходя из известной комиссии специалистов-лингвистов практики судебно-экспертной деятельности, в настоящее время отсутствует единое (общепринятое, устоявшееся) определение понятия **социальной группы**. Разные эксперты и специалисты пользуются разными критериями и системами критериев отнесения тех или иных сообществ людей к разряду социальных групп, что создает предпосылки для нарушения единства судебной практики.

Предпочтительным решением данной проблемы было бы законодательное уточнение данного понятия, например, через введение списка социальных групп, достоинство которых охраняется законом (или соответствующих словесных обозначений), однако такого списка на данный момент не существует.

В общем случае при отнесении того или иного сообщества граждан к разряду социальных групп, достоинство которых охраняется законом, следует учитывать целый ряд разнородных факторов, например:

- наличие объективной и субъективной общности интересов членов группы;
- характер совпадающих интересов (демографический, экономический, политический, морально-этический, социально-психологический, собственно социальный и т. п.). Данный фактор позволяет, к примеру, выделять в особую категорию так называемые «малые» группы, имеющие социально-психологический характер, общность членов в которых мотивируется и поддерживается исключительно межличностными связями (например, сообщество друзей или коллектив сотрудников одного подразделения фирмы, объединяемых совместной работой);
- является ли отнесение гражданина к данной группе вопросом его самоидентификации;
- требуется ли выполнение каких-то формальных требований или процедур для вступления в группу (для признания гражданина ее членом) и какова их природа;
- может ли гражданин быть лишен статуса члена группы принудительно;
- манифестируется ли группа в обществе через некую общую для всех ее членов деятельность, преследующую определенную цель;
- существуют ли общие для членов группы система ценностей и мировоззрение;
- насколько обособленной является группа;
- обладает ли группа внутренней организацией;
- существуют ли социальные институты, регулирующие отношения в группе;
- являются такие институты формальными или неформальными;
- *etc.*

Необходимо учитывать, что недопустимой является экспертная подмена социальной (а также конфессиональной, национальной и т. п.) группы соответствующим ей формальным социальным институтом. (Ср. цитируемую

выше позицию Пленума Верховного Суда о критике политических организаций, идеологических и религиозных объединений, политических, идеологических или религиозных убеждений, национальных или религиозных обычаев. Подобная критика, то есть выражение негативной информации, в том числе сопровождающееся во многих случаях здоровой агрессией, может трактоваться как неизбежная составная часть конфликта; без конфликтов как таковых нормальное развитие общества невозможно).

Следует также иметь в виду существование ярко выраженных «асоциальных» групп, которые безусловно удовлетворяют любым мыслимым формальным критериям выделения социальных групп, однако достоинство и интересы которых при этом не подлежат правовой охране (например, преступный мир).

При исследовании спорных высказываний в лингвистической экспертизе во всех случаях требуется четко определять, какие языковые средства используются в тексте для обозначения того или иного сообщества людей и какой точный смысл передают эти словесные средства в спорном контексте. Только после этого можно говорить о том, относится содержание того или иного спорного высказывания именно к социальной группе — или же речь идет о чем-то ином: о юридическом лице, которое имперсонифицирует и (или) персонифицирует группу, в том числе, возможно, в общественных представлениях, но не тождественно ей, о формальном социальном институте, регулирующем отношения в группе, и т. п.

Согласно словарным толкованиям, *пропаганда* можно определить как распространение в обществе и разъяснение каких-либо воззрений, идей, знаний, учения.

В буквальном переводе с латинского *propaganda* (от лат. *propagare* — распространять) «пропаганда» означает распространение политических, философских, научных, художественных и других идей в обществе. Например, политическая или идеологическая пропаганда осуществляется с целью формирования у широких масс населения определенных взглядов. Под пропагандой понимается деятельность, направленная на то, чтобы повлиять на сознание индивидов, отдельных общественных групп или на общество в целом для достижения определенной, заранее намеченной цели.

Обобщая разные дефиниции, можно сказать, что под пропагандой в контексте закона «О противодействии экстремизму» понимается распространение среди широкого круга лиц идей, взглядов, представлений или побуждений к действиям, направленным на возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды. Вербально такая пропаганда может выражаться в виде призывов, воззваний, поучений, советов, предостережений, требований, угроз и т. п. Выявление смысловой направленности высказываний, разоблачение скрытых приемов и способов пропаганды национальной, религиозной розни и вражды является центральным звеном в установлении противоправности совершаемого деяния.

Разъяснение содержания термина «пропаганда» применительно к разжиганию национальной розни дал Пленум Верховного Суда СССР в Постановлении № 17 «О рассмотрении судами дел, связанных с преступлениями,

совершенными в условиях стихийного или иного общественного бедствия» от 23 декабря 1988 г. Пропаганда - это «распространение злонамеренных слухов и измышлений, подрывающих доверие и уважение к другой национальности, вызывающих чувство неприязни к ней. Действия, совершенные с этой целью, могут выражаться в публичных выступлениях и призывах, в том числе в печати и иных средствах массовой информации, в изготовлении, распространении листовок, плакатов, лозунгов и т. п., а также в организации собраний, митингов, демонстраций и активном в них участии в вышеуказанных целях».

К сожалению, в рецензируемом заключении **отсутствует сколь-нибудь значимый массив определений терминов**, которыми пользуются эксперты, в том числе таких терминов, которые допускают существенно различное понимание и по-разному трактуются в лингвистической экспертизе в зависимости от применяемой экспертом методики исследования.

В частности, **отсутствуют определения терминов *высказывание, суждение, негативный, угроза, социальная группа, пропаганда, превосходство, неполноценность*** и мн. др., не раскрыто содержание применяемых экспертами понятий *оскорбительный (оскорбительная форма), обвинение, превосходство, неполноценность, социальная группа, достоинство, оправдание* и др.

При описании методики исследования и применяемого экспертами терминологического аппарата в рецензируемом заключении его составители ограничиваются **некорректным цитированием определений *экстремистской деятельности* и *экстремистских материалов***, содержащихся в тексте закона «О противодействии экстремистской деятельности», и вводят понятия ***агрессивного текста* и *религиозного экстремизма*** (существенно отличающееся от определения экстремистской деятельности; в частности, для отнесения каких либо действий к категории религиозного экстремизма, согласно введенному экспертами определению, следует установить факт «серьезных психических аномалий», к которым приводят такие действия), причем в дальнейшем эти понятия в тексте заключения вообще **никак не используются**.

При этом эксперты игнорируют важную с методической точки зрения необходимость всегда четко разграничивать общеупотребительные значения, отражающие общеязыковое значение того или иного термина, и его понятийное содержание в той или иной специальной сфере (в данном случае — в юриспруденции), в то время как «одна из проблем, с которой сталкивается лингвист-эксперт, — присутствие одного и того же слова в обиходной речи и правовых документах при отсутствии тождества его значения в непрофессиональном и в юридическом типах употребления» [4, с. 26].

Раздел «III. Терминологический словарь» рецензируемого заключения содержит определение 8 терминов, в числе которых имеются:

- 3 термина психологии и педагогики: ***барьеры психологические, «образ врага», усвоение;***
- 1 термин теологии: ***порочность;***
- 3 слова, не имеющих специального характера, предлагаемые экспертами значения которых полностью совпадают со значениями

этих слов, содержащимися в толковых словарях общеупотребительной лексики, на которые ссылаются эксперты: *лозунг, пропаганда, ущерб* (в последнем случае, впрочем, ссылка имеет вид «[]»);

- 1 лингвистический термин: *агитация*.

Некорректно определена экспертами также **правовая база** исследования. В частности, эксперты применяют федеральный закон № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г. в редакции федеральных законов № 153-ФЗ (вероятно имеется в виду № 148-ФЗ) от 27.07.2006 г., № 153-ФЗ от 27.07.2006 г., № 71-ФЗ от 10.05.2007 г., № 211-ФЗ от 24.07.2007 г. и № 54-ФЗ от **29.04.2008 г.**, игнорируя изменения, внесенные в текст закона 25 декабря 2012 г., 02 июля 2013 г., 28 июня, 21 июля и 31 декабря 2014 г., а также 08 марта 2015 г., причем игнорируемые экспертами законодательные акты связаны в том числе с изменением содержащихся в статье 1 закона определений экстремистской деятельности и экстремистских материалов.

Оценка содержания раздела «IV. Справка об основах вероучения Свидетелей Иеговы» рецензируемого заключения, включая раздел «V. Отношение к переливанию крови», комиссией специалистов ГЛЭДИС не производилась, поскольку данные разделы содержат справочные сведения о вероучении Свидетелей Иеговы, относящиеся к области религиоведения, изложенные безотносительно к представленным на экспертизу конкретным текстам. Оценка содержания данных разделов выходит за пределы компетенции специалистов-лингвистов.

Раздел «1)» исследовательской части рецензируемого заключения содержит сведения об исследованиях, проведенных экспертом-религиоведом.

В указанном разделе эксперт-религиовед формулирует три частных экспертных задачи: (1) установление отличий «предложенного вероучения» от мировых религий; (2) выявление «статуса вероучительных изданий» (при этом из содержания данного раздела остается неясным, что именно представляет собой понятие «статуса» тех или иных «вероучительных изданий»); (3) «соответствие изложенного богословского истолкования тому или иному вероисповеданию».

Описание религиоведческого исследования, представленное в данном разделе, занимает около ¼ страницы. **Ход решения трех сформулированных экспертом-религиоведом частных экспертных задач не отражен. Методы, использованные экспертом-религиоведом, не указаны ни в данном разделе, ни в разделе «Методологические основания анализа».**

Содержание данного раздела представляет собой лишь изложение выводов, к которым пришел эксперт-религиовед.

При этом отличия учения Свидетелей Иеговы от каждой из мировых религий (вероятно, имеются в виду христианство, ислам и буддизм) не описаны, соответствие изложенного в представленных на экспертизу текстах «тому или иному вероисповеданию» не установлено. Ни ислам, ни буддизм вообще не

упоминаются в рецензируемом заключении — ни в данном разделе, ни в каких-либо иных.

Эксперт-религиовед указывает лишь на то обстоятельство, что представленные на экспертизу материалы являются частью вероучительных изданий Свидетелей Иеговы и «содержат изложение вероучительных и нравоучительных постулатов данной организации», в также на их предназначение — «для изучения и людьми, пожелавшими узнать об учении Свидетелей Иеговы, или же для изучения Библии в собраниях», то есть для осуществления пропагандистской и просветительской деятельности в обществе с помощью этих материалов.

Таким образом, две из трех сформулированных экспертом-религиоведом задач им не решены; судить о том, насколько изложенные в рецензируемом заключении сведения соответствуют третьей задаче (выявления статуса вероучительных изданий), не представляется возможным в связи с тем, что рецензируемое заключение не содержит определения понятия «статус» применительно к вероучительным изданиям.

Сформулированный в данном разделе вывод в дальнейшем тексте рецензируемого заключения не используется.

Какое отношение сформулированные экспертом-религиоведом частные экспертные задачи имеют к разрешению поставленных перед комиссией экспертов вопросов, остается неясным.

Раздел «2)» исследовательской части рецензируемого заключения содержит сведения об исследованиях, проведенных «специалистом по психолингвистике».

Рецензируемое заключение не содержит сведений о том, кто из экспертов является специалистом по психолингвистике. Методом исключения (ни религиоведение, ни политология не имеют отношения к психолингвистике как смежной дисциплине на стыке лингвистики и психологии; психолингвистика не является разделом педагогики или культурологии и не относится к числу разделов лингвистики, в которых применяются математические методы) можно прийти к выводу, что словосочетание «специалист по психолингвистике» используется в тексте рецензируемого заключения для обозначения эксперта-лингвиста.

В указанном разделе эксперт-лингвист формулирует частные экспертные задачи (1) выявления высказываний, «которые могут способствовать возбуждению ненависти либо вражды», (2) выявления «пропаганды исключительности и превосходства одной группы граждан над другой по религиозным основаниям», (3) выявления «высказываний, выражающих унижительные характеристики, отрицательные эмоциональные оценки какой-либо религиозной группы».

Эксперт-лингвист перечисляет также применяемые им в экспертизе методы, а именно:

- методы описания значений слов, применяемые в лингвистической семантике и психолингвистике;
- методы анализа значений слов, применяемые в лингвистической семантике и психолингвистике;
- методы контент-анализа.

При этом в рецензируемом заключении решительно отсутствуют какие-либо описания значений слов, употребляемых в представленных на экспертизу текстах, за исключением рассуждений о специфике специального понятия «мир» в концепции Свидетелей Иеговы, имеющих в разделе «Описание материалов» и в подразделе 1 раздела «Результаты проведенного контент-анализа». Указанные рассуждения не могут рассматриваться как описание или анализ значения слова «мир» на основе методов, применяемых в лингвистической семантике и психолингвистике, могут быть с некоторой натяжкой отнесены к области терминоведения, всецело основываются на излагаемой безотносительно представленных на экспертизу текстов концепции Свидетелей Иеговы, описываемой в разделе «IV. Справка об основах вероучения Свидетелей Иеговы».

В частности, в рецензируемом заключении отсутствуют сведения об обращении экспертов в ходе проведения экспертизы к толковым, фразеологическим и т. п. словарям, фиксирующим значения слов и иных номинативных единиц современного русского языка, отсутствуют какие-либо образцы компонентного анализа значений с их разложением на элементарные единицы смысла, отсутствуют сведения о лексико-семантических полях, синонимических рядах, в которые входит то или иное слово, отсутствует выделение коннотаций в значениях слов, отсутствует обращение к данным семантических, ассоциативных словарей и т. п.

Изложенное позволяет констатировать, что при производстве экспертизы, результаты которой представлены в рецензируемом заключении, методы описания и анализа значений слов, применяемые в лексической семантике и психолингвистике, вопреки заявленному в разделе «2)» его исследовательской части, не использовались. Комиссия специалистов-лингвистов ГЛЭДИС полагает, что рецензируемое заключение содержит ошибочную либо заведомо ложную информацию в части примененных экспертом-лингвистом методов исследования.

Раздел «2)» исследовательской части рецензируемого заключения не содержит сведений о результатах применения заявленных экспертом-лингвистом методов и о выводах, к которым эксперт-лингвист пришел в рамках решения сформулированных им частных экспертных задач.

Раздел «3)» исследовательской части рецензируемого заключения содержит сведения об исследованиях, проведенных специалистом по культурологии (вероятно, Н. Н. Крюковой).

Эксперт, являющийся специалистом по культурологии, формулирует частную экспертную задачу определения социокультурной направленности представленных на экспертизу текстов, после чего сразу формулирует вывод о том, что «Данные тексты направлены на ликвидацию социальной организации общества, во всех ее формах, как самостоятельных, так и институциональных».

Каких-либо сведений о примененных при получении данного вывода методах культурологического исследования рецензируемое заключение не содержит.

Указанный вывод уточняется экспертом — специалистом по культурологии следующим образом (в настоящей рецензии воспроизводится пунктуация

рецензируемого заключения): «Все положения и выводы в указанных текстах носят глобальный (надрегиональный и надгосударственный характер). Эти положения не имеют каких-либо региональных культурных привязок, чем способствуют разрушению этнокультурной идентичности».

Таким образом, исходя из содержания раздела «3» исследовательской части рецензируемого заключения, эксперт — специалист по культурологии приходит к выводу о том, что представленные на экспертизу тексты способствуют разрушению этнокультурной идентичности на основании единственного присущего им признака, а именно: содержащиеся в них «положения и выводы» относятся исключительно к тем явлениям, которые не зависят от региональной и государственной принадлежности того или иного человека и рассматриваются составителями представленных на экспертизу текстов как универсальные, не зависящие от национальной и региональной принадлежности человека.

Примерами подобных положений могут служить, например, такие высказывания, как «Человек слаб», «Человеку свойственно ошибаться», «Человек создан по образу и подобию Божию», «Человек относится к отряду приматов» и т. п. Следуя примененной экспертом — специалистом по культурологии логике, можно прийти к очевидно абсурдному выводу о том, что разрушению этнокультурной идентичности определенно способствует также любой учебник физики или психологии.

Комиссия экспертов ГЛЭДИС полагает сформулированный в разделе «3» исследовательской части рецензируемого заключения вывод эксперта — специалиста по культурологии о том, что представленные на экспертизу тексты способствуют разрушению этнокультурной идентичности, очевидно абсурдным, не основанным на общепринятых научных и практических данных.

Раздел «Психологическое воздействие рассматриваемого выше текста» исследовательской части рецензируемого заключения содержит описание исследований, проведенных не указанным в тексте заключения экспертом, который активно оперирует понятиями *страх, напряженное ожидание, стресс, неврастеническое состояние, защитное свойство (личности), пассивность (личности), покорность, привязанность, искаженное восприятие реального мира.*

Перечисленные термины обозначают специальные понятия психологии и медицины.

Рецензируемое заключение не содержит сведений об участии в экспертизе экспертов, обладающих специальными знаниями в областях психологии и медицины.

С учетом изложенного, в разделе «Психологическое воздействие рассматриваемого выше текста» эксперты выходят за пределы своей специальной компетенции, что нарушает принцип наличия у эксперта определенной и ограниченной процессуальной компетенции, закрепленный ст. 7 и 8 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

Раздел «Тип текста» содержит сведения об исследованиях, проведенных экспертом или экспертами, не указанными в тексте рецензируемого заключения.

Абзац «Анализ представленных материалов показал, что предложенные материалы В распоряжение экспертов предоставить литературу международной религиозной организации «Свидетели Иеговы»: Книгу «Сохраняйте себя в божьей любви», издательство Watch tower Bible and Tract Society of Pennsylvania, отпечатано в Германии; Брошюру «Пусть на вас влияет дух Бога, а не дух мира», издательство Watch tower Bible and Tract Society of Pennsylvania являются частью комплекса вероучительных изданий Свидетелей Иеговы» (воспроизводится дословное содержание текста рецензируемого заключения), графически оформленный как финальный абзац данного раздела, содержательно не связан с ним, вероятно, является повтором первого предложения раздела «1») исследовательской части рецензируемого заключения с технической опечаткой — случайной вставкой фрагмента текста определения о назначении экспертизы, по результатам которой составлено рецензируемое заключение.

Раздел «Описание материалов» содержит сведения об исследованиях, проведенных экспертом или экспертами, не указанными в тексте рецензируемого заключения. Раздельно исследуются два представленных на экспертизу издания.

Эксперты в краткой обобщенной форме характеризуют основное содержание брошюры «Пусть на вас влияет дух Бога, а не дух мира», подробно описывают специальное религиозоведческое содержание понятия «мир» в концепции Свидетелей Иеговы, приводящее к тезису о необходимости для последователей их учения «отказываться иметь какое-либо участие в делах мира», и констатируют, что в брошюре «Пусть на вас влияет дух Бога, а не дух мира» рассматривается в основном вероучительный аспект указанного вопроса, но приводятся также и примеры нравоучительного характера, иллюстрирующие данное вероучительное положение.

Подраздел, относящийся к указанной брошюре, завершается списком из 44 цитат, которые, согласно содержанию данного раздела, подтверждают «принадлежность материалов к вероучению Свидетелей Иеговы» и «указывают на признаки обоснования или оправдания тех или иных социальных действий» (указать, какие именно социальные действия имеются в виду, эксперты не считают нужным).

Рецензируемое заключение не содержит какого-либо описания анализа речевого материала, в частности, отсутствует информация о том, какими признаками обоснования и (или) оправдания «тех или иных социальных действий» характеризуются указанные цитаты. В рецензируемом заключении отсутствует также описание возможных признаков обоснования и (или) оправдания каких-либо действий как таковых.

С учетом изложенного, **сформулированный в разделе «Описание материалов» вывод экспертов о наличии в высказываниях, составляющих приведенные ими цитаты из текста брошюры «Пусть на вас влияет дух Бога, а не дух мира», признаков обоснования и (или) оправдания «тех или иных социальных действий» не основан на применении каких-либо описанных в рецензируемом заключении методов исследования.**

Эксперты в краткой обобщенной форме характеризуют основное содержание книги «Сохраняйте себя в божьей любви» и констатируют, что в ней также рассматривается вопрос отношения к миру, но в нравоучительной, а не в вероучительной форме, в аспектах отношения к гражданским праздникам и ритуалам, отношения к воинской службе, участия в управлении, отношения к лечению, в том числе к переливанию крови и лечению психических заболеваний, отношения к светскому образованию.

Подраздел, относящийся к указанной книге, завершается списком из 214 цитат, которые, согласно содержанию данного раздела, подтверждают «принадлежность материалов к вероучению Свидетелей Иеговы» и «указывают на признаки обоснования или оправдания тех или иных социальных действий» (указать, какие именно социальные действия имеются в виду, эксперты не считают нужным).

Рецензируемое заключение не содержит какого-либо описания анализа речевого материала, в частности, отсутствует информация о том, какими признаками обоснования и (или) оправдания «тех или иных социальных действий» характеризуются указанные цитаты. В рецензируемом заключении отсутствует также описание возможных признаков обоснования и (или) оправдания каких-либо действий как таковых.

С учетом изложенного, **сформулированный в разделе «Описание материалов» вывод экспертов о наличии в высказываниях, составляющих приведенные ими цитаты из текста книги «Сохраняйте себя в божьей любви», признаков обоснования и (или) оправдания «тех или иных социальных действий» не основан на применении каких-либо описанных в рецензируемом заключении методов исследования.**

Раздел «Результаты проведенного контент-анализа» состоит из 8 нумерованных пунктов, каждый из которых декларируется в качестве ответа на один из вопросов, поставленных судом перед комиссией экспертов.

Отвечая на вопрос «Содержатся ли в представленных на исследование текстах печатных изданий высказывания, обосновывающие и (или) утверждающие необходимость геноцида, массовых репрессий, депортаций, совершения иных противоправных действий, в том числе применения насилия, в отношении представителей какой-либо нации, расы, приверженцев той или иной религии и других групп лиц?» (пункт 1), эксперт, проводивший контент-анализ, излагает некоторые эсхатологические представления Свидетелей Иеговы, в частности, сведения об установлении при жизни существующих поколений рая на земле, сопровождающемся Армагеддоном, в ходе которого Богом будут полностью разрушены «сегодняшние народы и царства».

Эксперт приводит цитаты, вероятно, из исследуемых им текстов, но без указания конкретного текста как источника каждой конкретной цитаты.

Эксперт указывает, что «из изложенных представлений о скором конце света следуют и действия Свидетелей Иеговы: «истинные христиане ведут войну!» Точное лексическое значение и смысловое содержание слова *война*, являющегося в

современном русском языке словом многозначным¹, в приведенном контексте экспертом не устанавливается, хотя одни значения существительного *война* включают в себя смысловые компоненты, указывающие на обязательное применение насилия, а в других значениях такие смысловые компоненты отсутствуют.

Эксперт усматривает «проповедь оправдания насилия» «среди способов ведения «войны» в следующих фрагментах исследованных им текстов (без указания конкретного текста как источника каждой конкретной цитаты):

- у «помазанных слугителей Бога есть право объявлять по всему миру весть против народов и царств»;
- «Мы ведем борьбу... не с кровью и плотью, но с правительствами, с властями, с правителями мира, повелевающими этой тьмой, со злыми духовными силами, которые в небесных пределах»;
- «сегодняшние народы и царства будут искоренены и уничтожены в назначенное Богом время и таким образом, какой он избрал».

Исходя из изложенного, в представленных на экспертизу текстах речь идет о «проповеди оправдания насилия», которое будет, согласно верованиям Свидетелей Иеговы, совершено в будущем Богом.

При этом вопрос, на который отвечает эксперт, — и отвечает утвердительно — относится к высказываниям, «обосновывающим и (или) утверждающим необходимость... совершения иных противоправных действий, в том числе применения насилия, в отношении... приверженцев той или иной религии и других групп лиц».

Однако Иегова отнюдь не является субъектом права и не может совершать никаких противоправных действий.

Источником судебно-экспертной деятельности всегда является конкретная неординарная (конфликтная, спорная) ситуация, нарушающая правопорядок, для понимания которой необходимы специальные знания [5, с. 39]. В данном случае существо конфликтной ситуации, приведшей к возникновению судебного спора, определяется категорией дела (о признании текстов экстремистскими материалами). Законодательство о противодействии экстремистской деятельности направлено на предотвращение такой деятельности лицами — гражданами и организациями, являющимися субъектами права. Социальная опасность экстремистских материалов, пропагандирующих экстремистские действия, к числу которых относится насилие, совершаемое в отношении определенных этнических, конфессиональных, иных социальных групп, на предотвращение которого направлено антиэкстремистское законодательство, состоит в том, что такие материалы объективно способствуют совершению лицами, находящимися под воздействием этих материалов, насильственных действий.

¹ Так, «Большой толковый словарь» фиксирует следующие значения и оттенки значений существительного *война* в современном русском языке: «вооруженная борьба между государствами, народами, племенами и т.п. или общественными классами внутри государства»; «борьба за достижение своих целей, ведущаяся средствами экономического, политического и т.п. воздействия на кого-, что-л.»; «проявление неприязненного отношения к чему-л.»; «действия, направленные на искоренение чего-л.»; «о неприязненных отношениях; постоянных ссорах с кем-л.».

Совершение насильственных действий Иеговой, не являющимся субъектом права и не могущим в силу своей божественной природы находиться под таким воздействием представленных на экспертизу текстов, никак не может быть предотвращено посредством применения антиэкстремистского законодательства. Более того, любые действия, совершаемые Иеговой, даже в том случае, если они являются насильственными, не могут быть противоправными.

Таким образом, экспертом осуществлена существенная подмена поставленного перед ним вопроса: эксперт положительно отвечает на вопрос, который не был перед ним поставлен, и не отвечает при этом на поставленный вопрос. Вывод рецензируемого заключения по данному вопросу не может быть признан обоснованным, не основан на общепринятых научных и практических данных.

Отвечая на вопрос «Содержатся ли в представленных на исследование текстах печатных изданий высказывания оскорбительного характера по отношению к какой-либо этнической, расовой, социальной или религиозной группе, негативные характеристики человека или группы людей по признаку религиозной, этнической, расовой, социальной принадлежности?» (пункт 2), эксперт, проводивший контент-анализ, констатирует отсутствие в исследуемых текстах оскорбительных высказываний в отношении этнических, расовых, социальных групп, и наличие негативных оценок («негативных характеристик») групп людей по признаку религиозной принадлежности к «социуму людей, не относящих себя к Свидетелям Иеговы».

При этом в рецензируемом заключении отсутствует определение оскорбления и оскорбительной формы выражения негативной информации.

Между тем в лингвистической экспертизе (см., например, [1, 2, 3]) существуют устоявшиеся понятия оскорбления и оскорбительной формы, отнюдь не тождественные понятию негативной информации.

Ведущим диагностическим признаком **оскорбительности** слова или высказывания является **неприличная форма выражения** обобщенной отрицательной оценки лица, которая подрывает его престиж в глазах окружающих и наносит ущерб уважению к самому себе.

В качестве неприличной формы выражения рассматривается такая языковая форма, которая включает в себя языковые средства, не соответствующие ситуации их употребления по своим стилистическим характеристикам, как правило, являющиеся стилистически сниженными относительно нормы и узуса (сложившейся практики употребления языковых единиц в устной и письменной речи носителей языка), определяемого с учетом конституции устного акта коммуникации (скажем, узус ситуаций официального общения, таких как судебное заседание или общение гражданина с представителем исполнительной власти в связи с осуществлением последним должностных полномочий, в значительной мере отличается от узуса неформальной приятельской беседы в молодежной среде) или функционально-стилистических свойств и жанровых признаков письменного текста (так, узус жанра фельетона существенно отличается от узуса жанра аналитической статьи). Неприличный характер может носить главным образом употребление

номинативных единиц языка (слов, фразеологизмов, иных устойчивых оборотов и т. п.). Выбор тех или иных грамматических средств в связи с абстрактностью их семантики сам по себе, в отрыве от лексических компонентов высказывания, не способен приводить к его неприличности.

Терминами *непристойная лексика*, *неприличная лексика*, *обценная лексика* обозначаются слова и обороты, которые в момент их конкретного употребления считаются неприличными, хотя, возможно, эти слова вполне допустимы в какой-то иной ситуации. Неприличность языковой формы не носит абсолютного характера, является свойством, характеризующим употребление языкового знака в определенной ситуации. Неприличными, социально неприемлемыми являются слова и выражения, употребление которых в конкретной ситуации коммуникации нарушает нормы общественной морали. Например, многие выражения, которые допустимы и естественны в разговоре подростков, являются недопустимыми, социально неприемлемыми в школьных сочинениях, авторами которых являются те же самые подростки, а нецензурные слова вполне уместны в специальном словаре нецензурной лексики, допустимы в произведениях художественной литературы, но их использование, скажем, в официальном отчете об экономических показателях предприятия неприемлемо, нарушает неписанный общественный запрет.

Представления о приличиях и неприличности сильно варьируются, поскольку зависят от времени и места коммуникации, от этнокультурной специфики, пола и возраста коммуникантов. Однако специальные исследования в области судебного речеведения помогли уточнить базовый список категорий оскорбительной (инвективной, ругательной) лексики.

Лингвистические характеристики, которыми должно обладать высказывание, чтобы его можно было квалифицировать как оскорбительное, — это нецензурность, непристойность слов и выражений, сравнение с одиозными историческими и литературными персонажами, присутствие лексики и фразеологии, которая оскорбляет общественную мораль, нарушает нормы общественных приличий. Эта лексика воспринимается большинством носителей языка как недопустимая в конкретном тексте (с учетом ситуации употребления).

Инвективная лексика — лексика, которая может употребляться как форма оскорбления или унижения адресата речи или третьего лица; потенциально оскорбительная. К инвективной лексике относятся прежде всего слова и выражения, употребление которых в общении нарушает нормы общественной морали. В зависимости от конситуации устной коммуникации, функционально-стилистических жанровых свойств письменного текста и т. п., это могут быть как слова жаргонные, диалектные, просторечные, так и слова, относящиеся к собственно литературному языку.

Чаще всего к инвективной лексике относятся слова следующих категорий:

1. Слова и выражения, обозначающие антиобщественную, социально осуждаемую деятельность, приобретающие инвективную экспрессию при употреблении в переносном значении: *взяточник*, *жулик*, *проститутка*.

2. Слова с ярко выраженной негативной оценкой, фактически составляющей их основной смысл, также обозначающие социально осуждаемую деятельность или позицию характеризуемого: *расист*, *двурушник*, *предатель*.

3. Названия некоторых профессий, употребляемые в переносном значении: *палач, мясник*.

4. Зоосемантические метафоры, отсылающие к названиям животных и подчеркивающие какие-либо отрицательные свойства человека: нечистоплотность или неблагодарность (*свинья*), глупость (*осел*), неповоротливость, неуклюжесть (*корова*) и т.п.

5. Глаголы с осуждающим значением или прямой негативной оценкой: *воровать, хапнуть*.

6. Слова, содержащие экспрессивную негативную оценку поведения человека, свойств его личности и т.п., без отношения к указанию на конкретную деятельность или позицию: *негодяй, мерзавец, хам*.

7. Эвфемизмы для слов первого разряда, сохраняющие тем не менее их негативно-оценочный характер: *женщина легкого поведения, интердевочка*.

8. Специальные негативнооценочные каламбурные образования: *коммуняки, дерьмократы*.

Кроме того, оскорбительным, как правило, является использование в качестве указания на отрицательные свойства лица (например, для его обозначения) нецензурных слов.

Из содержания рецензируемого заключения вытекает, что оскорбительность формы выражения негативных оценок в исследованных экспертами текстах ими не определялась. Эксперты вообще не сочли нужным как-либо определять понятия оскорбления и оскорбительной формы.

Таким образом, вывод рецензируемого заключения по данному вопросу не является обоснованным, не основан на общепринятых научных и практических данных.

Отвечая на вопрос «Содержатся ли в представленных на исследование текстах печатных изданий высказывания, обосновывающие и (или) утверждающие необходимость осуществления агрессивных, насильственных, жестоких действий, направленных против человека в связи с его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежностью?» (пункт 3), эксперт, проводивший контент-анализ, приводит две цитаты, вероятно, из исследуемых им текстов, но без указания конкретного текста как источника каждой конкретной цитаты, предписывающие адептам Свидетелей Иеговы обрыв контактов с родственниками и друзьями, исключенными из «собрания» за нераскаянный грех, и немедленно приходит к выводу о том, что обнаружил угрозы совершения агрессивных, насильственных, жестоких действий, направленных против человека в связи с его религиозной и социальной принадлежностью.

Угроза рассматривается в лингвистике как вполне определенное коммуникативное намерение, характеризующее конкретное высказывание, когда говорящий высказывает намерение совершить в будущем действие или значимый поступок в форме бездействия, в результате которого вероятно наступление негативных последствий для адресата.

Однако группа лиц, о негативных последствиях для которых идет речь, может быть описана в данном случае как «нераскаянные грешники, ранее

принадлежавшие к собранию Свидетелей Иеговы и исключенные из него в связи с совершенными ими нарушениями правил пребывания в собрании».

Комиссия специалистов ГЛЭДИС не согласна с квалификацией указанной группы лиц как выделяемой по признаку религиозной принадлежности, поскольку объединение лиц по признакам совершения поступков, рассматриваемых определенной религиозной группой как грехи, и отсутствия раскаяния в таких поступках не формирует новой религиозной группы.

Следует также заметить, что комиссия специалистов ГЛЭДИС не согласна с квалификацией угрозы прекратить общение с кем-либо как угрозы совершения агрессивных, насильственных, жестоких действий. Обоснования такой квалификации рецензируемое заключение не содержит.

Таким образом, вывод рецензируемого заключения по данному вопросу не является обоснованным, не основан на общепринятых научных и практических данных.

Отвечая на вопрос «Содержатся ли в представленных на исследование текстах печатных изданий информация, направленная на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам расы, пола, национальности, языка, происхождения, отношения к религии?» (пункт 4), эксперт, проводивший контент-анализ:

- констатирует присутствие в тексте высказываний, в которых противопоставляются вера Свидетелей Иеговы, характеризуемая (оцениваемая) как истинная религия, с одной стороны, и прочие религии, которые оцениваются как религии ложные (приводится одно высказывание, вероятно, из одного из исследуемых текстов, но без указания конкретного текста как источника), с другой стороны;
- констатирует использование для характеристики ложных религий высказываний, окрашенных негативными эмоциями (приводится 5 цитат, вероятно, из исследуемых текстов, но без указания конкретного текста как источника каждой цитаты);
- констатирует наличие высказываний, предписывающих Свидетелям Иеговы игнорирование ложных религий,

— и немедленно делает вывод о том, что обнаружил в исследуемых текстах информацию, направленную на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам отношения к религии.

Негативная оценка лица или группы лиц, даваемая в связи с ее этнической, расовой, конфессиональной, социальной принадлежностью, действительно рассматривается в лингвистической экспертизе как возможный признак унижения национального, конфессионального и т. п. достоинства человека или группы лиц. Однако речь идет только об оценке, объектом которой является именно этот человек или группа лиц, чего не наблюдается в приводимых в рецензируемом заключении цитатах. Подобную оценку можно наблюдать, например, в гипотетическом высказывании «мусульмане безнравственны, открыто защищая и исповедуя многоженство» (объектом негативной оценки выступает группа лиц, обозначенная как *мусульмане*), но никак не в цитируемом в рецензируемом

заключении высказывании «ложная религия снисходительно относится или... открыто защищает, например, безнравственное поведение, вмешательство в политику или неумное стремление к богатству» (объектом негативной оценки выступает поведение не называемой группы лиц, не тождественной какой-либо религиозной или социальной группе, поскольку группа лиц «люди, ведущие себя безнравственно», таковой не является).

При этом неясным остается, почему эксперт рассматривает игнорирование взглядов человека (той или иной религии) как унижение достоинства этого человека. Следуя подобной логике, можно прийти к выводу о том, что атеист унижает достоинство мусульман, поскольку игнорирует правила совершения намаза, а человек, не празднующий Рождество Христово, унижает достоинство христиан.

Таким образом, вывод рецензируемого заключения по данному вопросу не является обоснованным, не основан на общепринятых научных и практических данных.

Отвечая на вопрос «Содержатся ли в представленных на исследование текстах печатных изданий высказывания, утверждающие о неполноценности или заведомой порочности любого человека в связи с его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежностью?» (пункт 5), эксперт, проводивший контент-анализ, не приводит каких-либо цитат из исследуемых текстов, делая в то же время вывод о присутствии в них «информации, утверждающей о неполноценности или заведомой порочности любого человека в связи с его религиозной и социальной принадлежностью (принадлежностью к «миру»)».

При этом эксперт производит **подмену понятий**, рассматривая в качестве социальной принадлежности принадлежность лица к социуму («миру»), а не принадлежность к той или иной социальной группе. Однако социальная группа не может быть тождественна обществу в целом.

Вывод о присутствии в представленных на экспертизу текстах «информации, утверждающей о неполноценности или заведомой порочности любого человека в связи с его религиозной... принадлежностью» обосновывается экспертом посредством изложения **представлений Свидетелей Иеговы** о порочности «мира», с которой связано отсутствие у представителей этого «мира» шансов на спасение, каковое отсутствие эксперт рассматривает в качестве признака неполноценности.

В результате, формулируя положительный вывод по данному вопросу о наличии в представленных на экспертизу текстах высказываний, обладающих определенными признаками, эксперт не приводит каких-либо конкретных высказываний, которые обладали бы этими признаками, основывая вывод исключительно на рассуждениях об особенностях религиозных убеждений Свидетелей Иеговы.

В соответствии с п. 7 Постановления Пленума Верховного суда РФ № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» от 29.06.2011 г., «критика... религиозных убеждений... сама по

себе не должна рассматриваться как действие, направленное на возбуждение ненависти или вражды».

Таким образом, вывод рецензируемого заключения по данному вопросу не является обоснованным, не основан на общепринятых научных и практических данных, вступает в противоречие с трактовкой понятия возбуждения ненависти и вражды, закрепленной судебной практикой по делам, связанным с преступлениями экстремистской направленности.

Отвечая на вопрос «Содержатся ли в представленных на исследование текстах печатных изданий высказывания пропагандирующие превосходство, исключительность или неполноценность какой-либо национальной, религиозной или иной группы лиц?» (пункт 6), эксперт, проводивший контент-анализ, приводит ряд цитат, вероятно, из исследуемых им текстов, но без указания конкретного текста как источника каждой конкретной цитаты, относящихся к утраченному иудеями статусу «народа Иеговы», или «избранного народа», носителями которого после 607 года, согласно их представлениям, остаются только Свидетели Иеговы, противопоставляемые всем прочим как «мирским людям».

Изложенное позволяет эксперту дать положительный ответ на поставленный перед ним вопрос.

Лингвистического анализа смыслового содержания словосочетания «избранный народ» в контексте приведенных автором цитат рецензируемое заключение не содержит. Однако прилагательное *избранный* является в современном русском языке многозначным. Так, по данным «Большого толкового словаря», наряду со значением «2. лучший, выдающийся чем-л. среди других, отборный», включающим в себя ярко выраженные компоненты позитивной оценки характеризуемого объекта реальной действительности как исключительно положительного, данное прилагательное имеет также значение «1. предпочтительный другим, выбранный среди других».

Имеющаяся в приводимых в рецензируемом заключении цитатах отсылка к обозначающему иудеев библейскому выражению «избранный народ», представляющему собой, согласно христианской трактовке, констатацию факта выбора Богом в указанный в Библии период времени еврейского народа для заключения договора с человечеством (известного как Ветхий Завет и впоследствии перезаключенного Богом в виде Нового Завета) и не выражающему какой-либо оценки, предполагает использование прилагательного *избранный* в том же значении, не выражающем какой-либо идеи исключительного превосходства.

Таким образом, вывод рецензируемого заключения по данному вопросу не является обоснованным, не основан на общепринятых научных и практических данных, является ошибочным.

Отвечая на вопрос «Содержатся ли в представленных на исследование текстах печатных изданий высказывания, обвиняющие любого человека в связи с его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежностью в действиях, направленных на причинение ущерба представителям других таких групп, или намерениях совершить такие действия?» (пункт 7), эксперт, проводивший контент-анализ, приводит ряд цитат, вероятно, из

исследуемых им текстов, но без указания конкретного текста как источника каждой конкретной цитаты, декларирующих нанесение «духовного вреда» членам «собрания» Свидетелей Иеговы другими его членами, совершившими или совершающими нераскаянный грех, и немедленно приходит к выводу о том, что обнаружил высказывания, обвиняющие любого человека в связи с его религиозной принадлежностью, в действиях, направленных на причинение ущерба представителям других таких групп, или намерениях совершить такие действия.

Группа лиц, о действиях и намерениях которых идет речь, может быть описана в данном случае как «нераскаянные грешники, принадлежащие к собранию Свидетелей Иеговы».

Комиссия специалистов ГЛЭДИС не согласна с квалификацией указанной группы лиц как выделяемой по признаку религиозной принадлежности, поскольку объединение лиц по признакам совершения поступков, рассматриваемых определенной религиозной группой как грехи, и отсутствия раскаяния в таких поступках не формирует новой религиозной группы.

Таким образом, вывод рецензируемого заключения по данному вопросу не является обоснованным, не основан на общепринятых научных и практических данных.

Отвечая на вопрос «Содержатся ли в представленных на исследование текстах печатных изданий унижающие достоинство, оскорбительные высказывания, обосновывающие и (или) утверждающие необходимость ограничения или лишения благ, умаления прав и свобод человека в связи с его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежностью либо обосновывающие и (или) утверждающие необходимость предоставления благ или высказывания, создание социальных привилегий человеку в связи с его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежностью?» (пункт 8), эксперт, проводивший контент-анализ, не приводя каких-либо конкретных высказываний из исследуемых текстов, однако утверждая, что такие высказывания имеются «в материалах дела», указывает на наличие в исследуемых текстах высказываний, утверждающих необходимость ограничения следующих прав и свобод человека:

- «права на жизнь» (из содержания рецензируемого заключения вытекает, что речь идет об ограничении «права» на вечную, или загробную жизнь);
- права на охрану здоровья и медицинскую помощь (из содержания рецензируемого заключения вытекает, что речь идет о сознательном отказе последователей учения Свидетелей Иеговы от переливания крови и некоторых других видов медицинской помощи);
- права на свободный труд (из содержания рецензируемого заключения вытекает, что речь идет о сознательном самоограничении, практикуемом последователями учения Свидетелей Иеговы и направленном на высвобождение максимального количества времени для проповеди их убеждений);

- права на образование (из содержания рецензируемого заключения вытекает, что речь идет о сознательном самоограничении, практикуемом последователями учения Свидетелей Иеговы и направленном на последующее высвобождение максимального количества времени для проповеди их убеждений);
- права на защиту семьи (из содержания рецензируемого заключения вытекает, что речь идет о сознательном отказе последователей учения Свидетелей Иеговы от совершения в кругу семьи действий, противоречащих их религиозным убеждениям),

— а также

- прямой дискриминации (из содержания рецензируемого заключения вытекает, что речь идет о сознательном самоограничении, налагаемом на себя женщинами, их прав по сравнению с правами мужчин);
- косвенной дискриминации (из содержания рецензируемого заключения вытекает, что речь идет о невыгодном положении, в которое ставят себя адепты учения Свидетелей Иеговы, налагая на себя перечисленные выше самоограничения).

Вопрос, на который утвердительно отвечает эксперт, проведший контент-анализ, относится к высказываниям, «обосновывающим и (или) утверждающим необходимость ограничения или лишения благ, умаления прав и свобод человека в связи с его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежностью».

Однако «ограничение» права на жизнь, о котором говорит эксперт, как явствует из содержания рецензируемого заключения, касается загробной жизни, которая с очевидностью не регулируется нормами действующего законодательства и на которую закрепленное этим законодательством понятие права на жизнь вообще не распространяется.

Таким образом, экспертом осуществлена частичная подмена поставленного перед ним вопроса: эксперт положительно отвечает на вопрос, который не был перед ним поставлен, и не отвечает при этом на поставленный вопрос. Кроме того, сказанное позволяет констатировать, что сформулированный в рецензируемом заключении вывод по данному вопросу частично противоречит проведенному исследованию.

Важно отметить также, что эксперт вновь не принимает во внимание то обстоятельство, что источником судебно-экспертной деятельности всегда является конкретная неординарная (конфликтная, спорная) ситуация, нарушающая правопорядок, для понимания которой необходимы специальные знания [5, с. 39]. В данном случае существо конфликтной ситуации, приведшей к возникновению судебного спора, определяется категорией дела (о признании текстов экстремистскими материалами). Законодательство о противодействии экстремистской деятельности направлено на предотвращение такой деятельности лицами — гражданами и организациями, являющимися субъектами права. Социальная опасность экстремистских материалов, пропагандирующих

экстремистские действия, состоящие в нарушении прав и свобод человека в связи с его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежностью, на предотвращение какого нарушения направлено антиэкстремистское законодательство, состоит в том, что такие материалы объективно способствуют совершению лицами, находящимися под воздействием этих материалов, действий, нарушающих чужие права и свободы, то есть действий противоправных.

Самоограничения в области иных (помимо права на жизнь) перечисленных прав: на охрану здоровья и медицинскую помощь, на свободный труд, на образование, на защиту семьи, — к которому, вероятно, действительно побуждают представленные на экспертизу тексты, а также самоограничения, обозначаемые автором как «прямая дискриминация» и «косвенная дискриминация», носят осознанный характер, вытекают из религиозных убеждений последователей учения Свидетелей Иеговы и не нарушают прав третьих лиц (в том числе в рассматриваемой экспертом ситуации отказа адепта учения Свидетелей Иеговы от участия в семейном празднике, в котором участвуют члены его семьи, не являющиеся Свидетелями Иеговы: с точки зрения любого дееспособного гражданина, не обладающего специальными знаниями в области юриспруденции, ни у кого из родственников нет права принудить человека к участию в семейном празднике, если он этого не желает).

Следует также заметить, что вывод о том, что в результате косвенной дискриминации Свидетелей Иеговы, ограничивающих себя в «мирском» из-за своих религиозных убеждений, они оказываются «в невыгодном положении» по сравнению с другими людьми, плохо согласуется с выводом рецензируемого заключения, представленным в пункте 5, поскольку объединение двух этих выводов позволяет получить картину мира, в которой люди делятся на две категории: Свидетелей Иеговы, которые находятся «в невыгодном положении» по сравнению с остальными, и остальных, которые являются неполноценными по сравнению со Свидетелями Иеговы.

По мнению комиссии специалистов ГЛЭДИС, сказанное свидетельствует о наличии противоречий между выводами рецензируемого заключения.

Таким образом, вывод рецензируемого заключения по данному вопросу не является обоснованным, не основан на общепринятых научных и практических данных, частично вступает в противоречие с иными выводами экспертизы.

Раздел «ВЫВОДЫ» рецензируемого заключения содержит дословное воспроизведение описанных выше выводов, сформулированных в разделе «Результаты проведенного контент-анализа» экспертом, произведшим контент-анализ представленных на экспертизу текстов, с полным сохранением многочисленных синтаксических, пунктуационных и речевых ошибок и опечаток.

ИТОГОВЫЕ ВЫВОДЫ

Обобщая изложенное, комиссия специалистов-лингвистов ГЛЭДИС приходит к следующим основным выводам.

1. Имеющаяся в составе рецензируемого заключения подписка экспертов НЕ может рассматриваться как надлежащая подписка о предупреждении об уголовной ответственности.

В частности, неясно, кто именно разъяснял экспертам права и обязанности эксперта и кто предупреждал их об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения.

Неясным также остается, какое отношение к гражданскому процессу могут иметь права и обязанности эксперта, предусмотренные ст. 57 УПК РФ, на которую ссылаются эксперты, и почему в подписке, данной экспертами в рецензируемом заключении, отсутствует ссылка на ст. 85 ГПК РФ, в которой содержатся сведения о правах и обязанностях эксперта в рамках гражданского процесса.

2. В рецензируемых заключениях НЕ нашла своего отражения часть исходных данных, которые находились в распоряжении экспертов при производстве экспертиз, что ставит под сомнение объективность представленных документов как заключений, отражающих результаты судебно-экспертной деятельности.

3. При организации производства комплексной лингвистической религиоведческой экспертизы, результаты которой отражены в рецензируемом заключении, были нарушены требования процессуального законодательства в части порядка привлечения к производству экспертизы эксперта Н. Н. Крюковой, специальная

компетенция которой **НЕ** соответствуют виду экспертизы, назначенной судом.

4. Оформление рецензируемого заключения **НЕ** соответствует требованиям, предъявляемым действующим процессуальным законодательством к заключениям, составленным по результатам проведения комплексных экспертиз, включая как нормы гражданского процессуального законодательства, так и нормы уголовно-процессуального законодательства, на которые ссылаются сами эксперты.

5. Представленный в рецензируемом заключении анализ продуктов речевой деятельности, имеющих в исследованных экспертами текстах, **НЕ** основан на общепринятых научных лексикографических данных, что прямо противоречит принципу объективности судебно-экспертной деятельности и не соответствует требованиям ст. 7 и ст. 8 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

6. В рецензируемом заключении отсутствует сколь-нибудь значимый массив определений терминов, которыми пользуются эксперты, в том числе таких терминов, которые допускают существенно различное понимание и по-разному трактуются в лингвистической экспертизе в зависимости от применяемой экспертом методики исследования.

7. Правовая база исследования определена экспертами некорректно. В частности, эксперты игнорируют изменения,

внесенные в текст федерального закона № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» 25 декабря 2012 г., 02 июля 2013 г., 28 июня, 21 июля и 31 декабря 2014 г., а также 08 марта 2015 г., причем игнорируемые экспертами законодательные акты связаны в том числе с изменением содержащихся в статье 1 закона определений экстремистской деятельности и экстремистских материалов, цитируемых экспертами в рецензируемом заключении.

8. В тексте рецензируемого заключения имеется множество выводов, как промежуточных, так и по поставленным следствием вопросам, в отношении которых следует констатировать, что логика рассуждений, приводящих к этим выводам, в тексте заключений не раскрыта или неясна, примененные экспертами методы не указаны, что свидетельствует о несоблюдении экспертами принципов объективности и проверяемости исследования, установленных ст.7 и ст. 8 федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности».

Кроме того, в тексте рецензируемых заключений присутствуют суждения, в которых наблюдается ярко выраженная подмена понятий, что также свидетельствует о несоблюдении экспертами принципов объективности и проверяемости исследования.

9. Комиссия специалистов-лингвистов полагает, что рецензируемое заключение содержит ошибочную либо заведомо ложную информацию о примененных экспертом-лингвистом методах исследования.

10. Комиссия специалистов-лингвистов полагает, что **ни один из выводов по поставленным перед экспертами вопросам, сформулированным в рецензируемых заключениях, НЕ является обоснованным, НЕ основан на общепринятых научных и практических данных.**

11. **Положительный вывод по вопросу «Содержатся ли в представленных на исследование текстах печатных изданий высказывания, обосновывающие и (или) утверждающие необходимость геноцида, массовых репрессий, депортаций, совершения иных противоправных действий, в том числе применения насилия, в отношении представителей какой-либо нации, расы, приверженцев той или иной религии и других групп лиц?» основан на подмене вопроса: в рецензируемом заключении дан ответ на вопрос, который не был поставлен, и НЕ дано ответа на поставленный перед комиссией экспертов вопрос.**

12. **Положительный вывод по вопросу «Содержатся ли в представленных на исследование текстах печатных изданий высказывания, утверждающие о неполноценности или заведомой порочности любого человека в связи с его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежностью?» основан на трактовке понятия возбуждения ненависти и вражды, противоречащей судебной практике по делам, связанным с преступлениями экстремистской направленности, зафиксированной постановлением Пленума Верховного суда РФ.**

13. Положительный вывод по вопросу «Содержатся ли в представленных на исследование текстах печатных изданий унижающие достоинство, оскорбительные высказывания, обосновывающие и (или) утверждающие необходимость ограничения или лишения благ, умаления прав и свобод человека в связи с его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежностью либо обосновывающие и (или) утверждающие необходимость предоставления благ или высказывания, создание социальных привилегий человеку в связи с его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежностью?» основан на частичной подмене вопроса: в рецензируемом заключении дан ответ на вопрос, который не был поставлен, и НЕ дано ответа на поставленный перед комиссией экспертов вопрос — и частично противоречит проведенному исследованию.

14. Положительный вывод по вопросу «Содержатся ли в представленных на исследование текстах печатных изданий унижающие достоинство, оскорбительные высказывания, обосновывающие и (или) утверждающие необходимость ограничения или лишения благ, умаления прав и свобод человека в связи с его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежностью либо обосновывающие и (или) утверждающие необходимость предоставления благ или высказывания, создание социальных привилегий человеку в связи с его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежностью?» частично вступает в противоречие с иными выводами экспертизы.

Лингвистические
ЭКСПЕРТИЗЫ

Исследование проведено и оформлено в полном соответствии с Федеральным законом от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» и действующими процессуальными кодексами РФ.

Члены комиссии специалистов-лингвистов, члены Правления Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам осведомлены об административной ответственности за дачу заведомо ложных пояснений.

Члены комиссии специалистов-лингвистов ГЛЭДИС:

Действительный член ГЛЭДИС,
Председатель Правления ГЛЭДИС,
доктор филологических наук,
профессор, академик РАЕН

М.В. ГОРБАНЕВСКИЙ

Действительный член ГЛЭДИС,
член Правления ГЛЭДИС,
начальник научно-методического отдела ГЛЭДИС,
кандидат филологических наук

И.В. ЖАРКОВ

Действительный член ГЛЭДИС,
член Правления ГЛЭДИС,
учёный секретарь ГЛЭДИС,
профессор кафедры русской словесности
и межкультурной коммуникации
Государственного института русского языка
им. А.С. Пушкина,
доктор филологических наук, академик РАЕН

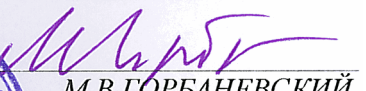

А.С. МАМОНТОВ

Действительный член ГЛЭДИС,
зам. Председателя Правления ГЛЭДИС,
профессор кафедры массовых
коммуникаций филологического
факультета Российского
университета дружбы народов
доктор филологических наук

Н.И. ТРОФИМОВА

ПОДПИСИ ЭКСПЕРТОВ ЗАВЕРЯЮ:

М.В. ГОРБАНЕВСКИЙ,
председатель правления Гильдии,
доктор филологических наук, профессор,
академик РАЕН

30 ОКТ 2015

Всего пронумеровано,
прошнуровано и скреплено
печатью 55 листов.
Председатель правления
Гильдии лингвистов-экспертов
по документационным и
информационным спорам

М.В.Горбаневский

« 30 » Октября 2015г.

